

Марина Крапивина

НАТАША

В жизнь интеллигентной столичной семьи — высокомерной, пассивной и непрактичной — врывается витальная молодая провинциалка с тяжелым прошлым. «Три сестры» Чехова в современной Москве с ее драматическим социальным неравенством.

Об авторе:

Российский драматург, сценарист. Родилась и живет в Москве. Окончила Московский университет печати. Финалист драматургических конкурсов «Любимовка», «Свободный театр», «Евразия», «Кульминация» и др. В 2012 году состоялись две дебютные премьеры: пьеса «Ставангер»: в Таллине («Новый театр», реж. Юрий Муравицкий и в Лиепае (Лиепайский драматический театр, реж. Константин Богомолов). С М. Крапивиной работали режиссеры: Дм. Брусникин («Тобольск. Доска почета», Тобольский драматический театр им. Ершова), Т. Баталов («Шкаф», Красноярский ТЮЗ, «Переход, Саратовский ТЮЗ»), Р. Маликов («Бросить легко», «Прикасаемые», Театр Наций), Вл. Скворцов («Тайм-аут», Тверской ТЮЗ) и др. Пьесы переводились на английский, польский языки.

Марина Крапивина

НАТАША

(Сестра, брат и ещё...)

(пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА КИРИЛЛОВА, 73

АНДРЕЙ КИРИЛЛОВ, 43, ее сын

МАША КИРИЛЛОВА, 32, сестра Андрея

НАТАША, 38

МАРК, друг детства Андрея, 43

АНЯ, 37, соседка Кирилловых

КОСТИК, муж Ани

ДРУГИЕ

СЦЕНА 1

Обычно Кирилловы на майские уезжали на дачу. Но в этот раз звезды сошлись не лучшим образом: сначала испортилась погода, потом квартиросъемщик Дауд вовремя не передал деньги, то есть он срочно уезжал и предлагал перевести деньги на карточку, но карта была только у Андрея, а деньгами в семье Кирилловых после смерти Алексея Владимировича распоряжалась мама Андрея, Ольга Сергеевна, а деньги она хранила только на сберегательной книжке. Дауд вернулся третьего мая и передал деньги. Но в тот же день вечером к Андрею зашел Марк в расстроенных чувствах по поводу неудачи с одним заказом, хозяину пуделя не понравилось, как он его нарисовал, вернее, «написал», как обычно всех поправлял Марк, закончивший академическое Суриковское училище. Встреча с Марком, конечно, закончилась для Андрея трехдневным запоем, и седьмого мая, когда Марк ушел, у него случился приступ. Поэтому восьмого они никуда не поехали, а девятого мая в девять утра раздался звонок.

Действие происходит в 2010-е. Квартира Кирилловых. Раздается звонок в дверь. Звонят долго и настойчиво.

Из комнаты в прихожую выходит пожилая женщина в ночной рубашке (это Ольга Сергеевна), набрасывает на себя халат. Она смотрит в глазок, открывает дверь, отступает в изумлении. В квартиру входят трое мужчин: один из них знакомый, это сосед по лестничной площадке Костик, а еще - Участковый и Человек в штатском, как обычно их называют.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Костик? А я думаю, что случилось!

КОСТИК. Ольга Сергеевна, а я думал, вы на дачу рванули.

ОС. Да какая дача, холодно еще. А что, случилось что-то?

МУЖЧИНА В ШТАТСКОМ (быстро развернув удостоверение). Ваши окна выходят на улицу. Плановая проверка. Дома кто-нибудь есть?

ОС. Есть, сын, но он спит, по-моему.

МУЖЧИНА В ШТАТСКОМ. Разрешите? (делая стремительный шаг в квартиру)

ОС. А если я не разрешу? (преграждая ему путь)

КОСТИК (миролюбиво). Ольга Сергеевна, вы нас извините за ранний визит. Но мы же с вами соседи, общий балкон. Это, сами понимаете, меры по обеспечению безопасности перед этими, эээ, «Вечно живыми».

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Советую не оказывать сопротивление.

КОСТЯ. Да никто не оказывает. Ольга Сергеевна, мы быстро глянем и пойдем. Дольше говорим.

ОС (вяло). Делайте что хотите. (пропускает)

Человек в штатском и Участковый проходят вперед. ОС хочет пойти в свою комнату.

КОСТИК. Ольга Сергеевна, вы куда?

ОС. Я спать хочу еще. Без меня не можете осмотреть?

УЧАСТКОВЫЙ. Мы не можем без хозяина квартиры. Вы хозяйка или снимаете?

КОСТИК. Да они живут тут сто лет.

УЧАСТКОВЫЙ. Может, паспорт проверить?

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Не надо. Я ему верю. Пройдемте, Ольга Сергеевна. Значит, здесь зала у вас?

ОС. Залы это во дворцах, у нас квартира четырехкомнатная.

ЧВШ (невозмутимо). Тээкс. Балкончик посмотрим. Откройте, будьте добры.

ОС открывает балкон.

ЧВШ. Что у вас там?

ОС. Резина зимняя, всякое барахло, не помню. Что обычно люди на балконах хранят.

ЧВШ. Это надо убрать.

ОС. Зачем?

ЧВШ. Надо убрать.

УЧАСТКОВЫЙ. Надо убрать.

ОС. Я таскать это не буду, сын проснется – уберет.

ЧВШ (Косте). Надо, чтобы к четырем не было.

КОСТЯ. Ольга Сергеевна, вы уж Андрею скажите, хорошо? В порядке исключения.

ОС. Господи помилуй!

ЧВШ. Еще помещения с балконами есть?

ОС. Нет.

ЧВШ. Тогда закройте окна, выходящие на улицу и после трех на балкон не выходите.

ОС. Это еще почему. Мне дышать нечем.

ЧВШ (показывает на закрытую дверь). Там что?

ОС. Там сын спит, спальня его. Там балкона нет.

ЧВШ. Приоткройте.

КОСТЯ. Теть Оль.

ОС. Хрен с вами (открывает дверь) Любуйтесь.

ЧВШ (заглядывает, что-то отмечает в блокноте). Здесь никого нет, окно тоже открыто и выходит на улицу. Обязательно закройте и шторы желательно.

ОС. Прямо как светомаскировка. Война, что ль?

ЧВШ. А там кухня?

КОСТЯ. Вот чтобы не было войны. День Победы порохом пропал.

ЧВШ. Пропах.

ОС. Так там двор.

ЧВШ. Посторонних нет в помещении, проживающие без регистрации, иностранные граждане?

ОС. А вам какое дело?

УЧАСТКОВЫЙ. Согласно закону 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан...» всех временно проживающих необходимо регистрировать. Иначе штраф за административное нарушение, второй раз общественные работы, третий...

КОСТИК. Ну, ладно, Семенов, харе пугать. Нет здесь никого.

ЧВШ. Ну хорошо. Спасибо за сотрудничество. Всего хорошего. (Участковому) Пошли, Семенов.

Все трое двигаются к прихожей, сами открывают дверь, выходят. Костя выходит последним, оборачивается.

КОСТЯ. Ольга Сергеевна, извините за беспокойство, но сами понимаете. Служба есть служба.

ОС. Да ладно. Ты бы хоть предупредил.

КОСТЯ (улыбаясь). Так я думал, вы на даче.

СЦЕНА 2

Квартира Кирилловых. Дверь открывается, входят Маша и Наташа с чемоданами. Проходят в гостиную. Там Ольга Сергеевна смотрит телевизор. Идет передача про отравление в Швейцарии российского перебежчика-предателя.

ГОЛОС ИЗ ТЕЛЕВИЗОРА. Евросоюз призвал российские власти начать открытое расследование. Наказать виновных потребовала Ангела Меркель. Российские власти называют провокацией обвинения в отравлении бывшего российского дипломата, который с 2007 года проживал в Санкт-Галлене... заявляют о своей непричастности к...

НАТАША. Здравсте!

ОС. Здравствуйте.

МАША. А я думала, вы на даче.

ОС. Сегодня все думают, что мы на даче.

МАША. Это Наташа, мам, помнишь ее? Мы с ней на Киевском встретились.

ОС. Наташа? (всматривается) А я сослепу без очков и не узнала. Вот что время делает! Надо что-то поесть. Я сейчас суп разогрею.

НАТАША. Может, помочь?

ОС. Вы гость, Наташенька. Мы гостей в оборот не берем. Отдыхайте с дороги.

МАША. Mam, я, правда, думала, вы на даче, поэтому пригласила Наташу к нам на несколько дней. У нее умер муж в Германии, и ей негде остановиться.

НАТАША. Я только вещи оставлю?

ОС. Муж умер? О, конечно, Наташенька, это ужасно. Мои соболезнования!

НАТАША. Это случилось так внезапно (начинает плакать). Инфаркт. Я просто убита.

ОС. О, бедняжка, как я тебя понимаю. Когда умирал Алексей Владимирович, я тоже была убита.

МАША. Mam, а Андрей где?

ОС. Андрей? Я думала, он дома, а его нет. Наверное, у Ани, где еще ему быть, хотя здесь Костя. Они же...

МАША. Понятно.

СЦЕНА 3

Квартира Ани. Андрей сидит на диване перед журнальным столиком, на котором стоит ноутбук. Аня быстро переодевается, не стесняясь Андрея.

АНЯ. Вечно он внезапно возвращается из своих командировок, хорошо хоть звонит.

АНДРЕЙ. Ну и что, сосед не может зайти к соседке почистить ноут? И он к нам заходил, явно клинья подбивал к Маше.

АНЯ. Да? Я не знала.

АНДРЕЙ. У тебя, кстати, правда, комп тормозит, даже не пойму отчего.

АНЯ. Может, он мне насовал туда шпионских программ?

АНДРЕЙ. Да вряд ли, антивирус такие вещи отслеживает.

АНЯ. И чего мы раньше даже знакомы не были.

АНДРЕЙ. Так ты здесь не жила.

АНЯ. Но мы к бабушке приезжали часто. Ни разу тебя не встречала.

АНДРЕЙ. Валентин Петрович никому спуска не давал в подъезде: даже к нам приходили с проверкой. Он утверждал, что из нашей квартиры сочится газ в его квартиру.

АНЯ. У него под конец крыша поехала. Он думал, что у него люк под кроватью и из него бабы приходят. Не хотелось бы до такого дожить. (пауза) А у вас тоже квартира от НКВД? Здесь вроде весь дом энкавэдэшный.

АНДРЕЙ. Нет, у нас дед был из партийной номенклатуры, в ЦК входил, а отец в военной академии преподавал.

АНЯ. Странно. Военным вроде на Фрунзенской давали. У меня там подружка живет.

Слышно, как открывается дверь в прихожей.

АНЯ. Слышишь? Это он.

Входит Костя.

КОСТЯ. О, какие гости! Андрюха! А я к вам (делает ударение на «вам») заходил пару часов назад. Мама ваша думала, ты дома, а ты здесь, оказывается.

АНДРЕЙ. Тормозит комп у Ани.

КОСТЯ. Опять, значит?

АНЯ. Тестируешь на мне шпионские программки свои?

КОСТЯ. Да, да, да. Всё на тебе тестирую: и хакерские программы, и торсионный генератор, и новичок. Сходи к Маше, попроси у нее рецепт от паранойи.

АНЯ. Сколько можно повторять, Маша не психиатр, а психотерапевт, но не клинический, она рецепты не выписывает.

КОСТЯ. Ну, я пошутил.

Раздается звонок сотового Андрея. Он берет, нажимает «ответить». Встает, отходит в сторону, старается говорить тихо.

АНДРЕЙ. Дауд? (пауза) Опять протекает? (пауза) Мне приехать? (пауза) Ну, окей, тогда за ремонт, сколько там у вас получилось, вычтем. (пауза) Нет, вот окна не надо трогать. (пауза) Это старинные окна с фрамугами. Ну, замок тогда почините. Уже? Ну, хорошо. Да, наличными? (пауза) Хорошо, я заеду. До свидания. (нажимает отбой) Затрахал этот Дауд.

АНЯ. Задерживает?

АНДРЕЙ. Да нет, у него своя строительная фирма и он постоянно что-нибудь ремонтирует в нашей квартире. И от соседей я получаю жалобы, и он вычитает все время стоимость ремонта. Сейчас рвется окна менять. А там окна такие мощные, с фрамугами, там специальные замки.

КОСТЯ. Дауд? Че, напрягает тебя? Хочешь помогу?

АНДРЕЙ. Да нет, не надо, спасибо. Мне просто трудно всем этим заниматься.

КОСТЯ. Да, у всех свои проблемы. Кто-то страдает от того, что нет ни одной квартиры, а кто-то мучается от двух, да, Андрей?

АНДРЕЙ. Просто устал общаться с этими людьми. Все тебя пытаются нахлобучить.

КОСТЯ. Ну ты смотри, если будет наглеть, только свистни, мы ему хвост прижмем, что у него за фирма?

АНДРЕЙ. Нет, нет, нет, не надо, пожалуйста, ничего прижимать никому. Зря я это сказал всё. Ладно, я пошел тогда. Я там удалил мусор кое-какой. Пока.

Андрей уходит.

КОСТЯ. Пока, Андрей.

АНЯ. Пока.

Андрей уходит. Костя какое-то время молчит.

КОСТЯ. К дедушке твоему надо бы сходить на могилку, давно не были. У нас коньяк остался?

Аня слышит, как хлопает входная дверь, из правого глаза у нее стекает слеза, она резко встает, идет в ванную, открывает шкафчик, находит там какие-то таблетки, глотает сначала одну, потом другую, запивает коньяком, который тоже там стоит. Приносит бутылку в комнату.

СЦЕНА 4

Квартира Кирилловых.

ОС. Наташенька, ты была вроде темненькая тогда? А теперь беленькая! Надо что-то поесть. Маша, Наташу надо покормить.

Н. Да вы не беспокойтесь, Ольга Сергевна. Я на вокзале беляш скушала.

ОС. Беляш? Что вы, Наташенька, беляши на вокзалах есть нельзя. Там одни черные торгуют. Они туда, думаешь, мясо кладут? Как бы не так! Об этом писали в «Аргументах и фактах»...

Н. Крыс, что ли?

ОС. А вам этого мало? И крысы, поверьте, не самое страшное. Они и человечину могут положить. Бомжей в Москве хватает.

МАША (разливает из турки кофе). Mam, ну хватит всякую чушь пересказывать. Фу, аппетит пропал.

Н. А я крыс не боюсь. Я ж в интернате росла, а там крыс полно было. Помню, была зима и центральное отопление вырубili, так я просыпаюсь от того, что кто-то щекочет мой нос, открываю глаза, а у меня на груди крыса сидит, греется, вот такая (*показывает внушительный размер крысы*).

Пауза ужаса и изумления.

ОС. Ужас какой! (отхлебывает кофе) Опять ты его переварила, только Андрюша умеет варить. Господи, это же дикость какая-то. В интернате? Ты разве в интернате выросла, деточка?

МАША. Mam, ну что ты сразу допрос устраиваешь?

ОС. Что ты на меня кричишь? Слова сказать нельзя. Это же трагедия, когда родители умерли, а ребенок растет в приюте.

Н. Не, меня мать отдала.

ОС. Как отдала? Собственноручно? Да разве так можно? Родители неблагополучные, алкоголики, наркоманы, да? Досталось тебе?

Н. Да не, папка выпивал, конечно, бывало, но не так, как наши соседи Горсуновы, эти да. Просто папка умер, с сигаретой заснул, от этого пожар случился, а у мамки уже трое нас было и она нас с братом как самых старших отдала. Вы не думайте, она от нас не отказывалась, она добрая, просто она к бабушке после пожара уехала с младшей Настей в Ростов, а у бабушки и так однокомнатная, куда она нас всех приволокет?

ОС. Разве так бывает? Чтобы вот так детей добровольно сдавать в приют! (*Ольга Сергеевна смотрит на Наташу с жалостью, как на брошенную собаку во дворе*). Даже во время войны и то меньше в приютах детей было. Вот у нас была соседка, у нее трое своих было, так она мальчика взяла, когда снаряд в их дом попал, а потом еще племянницу из Ленинграда взяла. А теперь, сколько сирот при живых родителях! Нет никакой ответственности за детей. (пауза) И ты теперь в России останешься, Наташенька?

Н. Ой, ну там сложно все оказалось. Сейчас просто не могу там находиться, всё напоминает. А еще у него от первого брака дети ведь были, они уже взрослые. Мы с Генрихом всего три года прожили, а контракт на десять лет рассчитан, и поэтому мне оттуда так и так съезжать. Да я же домой собиралась, билет купить на вокзале, а паспорт мой пропал, я у вас просто вещи оставляю, пока мне справку сделают, а сама работу и жилье буду искать. Я не хочу вас напрягать.

МАША. Mam, где Наташа будет спать, может, в кабинете?

ОС. Да ты что, Марусь? Я там даже не сплю никогда. Вы извините, Наташенька. Моя дочь иногда такое выдаст, просто туши свет. Вы же помните Алексея Владимировича?

Н. Ага. Еще бы не помнить, он такой... хоть и болел тяжело, но красивый был и интересно слушать его было, и я его боялась, он строгий был.

ОС (достаёт платок, промакает глаза от волнения). Ах! Как ты сказала: красивый и строгий, и мы его боялись. Знаешь, он интенсивно работал. Кафедру марксизма-ленинизма тридцать лет возглавлял, это серьезный предмет был, постоянно занимался, писал монографии, статьи. Это такое напряжение.

У нас много книг, в кабинете Алексея Владимировича в основном. (*обращаясь к Маше*) Вот, Муся, еще почему там спать вредно - пыль. Как же я скучаю без него, я не могу туда войти без подготовки. Разве мало комнат в квартире? (*думает*) Вот что, ты будешь тогда в бельевой, у нас там раньше, еще в 70-е жила домработница Клава, а потом мы там устроили бельевую, когда дети родились, но кровать там осталась Клавина. А теперь там лавка древностей, как называл эту комнатку Машин папа, помните, у Диккенса был такой роман? (*Наташа смотрит, не мигая, на вялый рот Ольги Сергеевны, замечает остатки еды в искусственных зубах, пропускает мимо ушей незнакомое имя «Диккенс» и кивает.*)

Надо Андрея попросить разобрать там, старую машинку «Вятка» уже пора выкинуть, сколько раз я ему говорила. Ты ему звонила, Маша?

МАША. Звонила.

СЦЕНА 5

Комната для Наташи. Маша и Наташа разбирают хлам.

НАТАША. Я язык этот немецкий ненавижу. Когда по-немецки говорят, мне сразу фашисты представляются, как в кино, гавкают: хэндэ хох, русиш шайн, ахтунг, Гитлер капут! Я там иногда прикалывалась: зайду в магазин и говорю: гитлер капут унтерменш. У них разрыв шаблона, они же тупые, не въезжают в наш юмор.

МАША. Извини, Наташ, а зачем же ты замуж за немца вышла, если так немецкий ненавидишь?

НАТАША. Да какой он немец! Он же из Казахстана, наш немец. Я и не знала, что Георгий Иваныч Буров, который вот на соседних грядках пашет, на самом деле Генрих Иоганнович Браун. Это его семья после депортации поменяла даже фамилию, а то их фашистами дразнили.

МАША. Тяжело им, наверное, пришлось.

НАТАША. Да прям! Им в Казахстане хорошо было на самом деле. Жили они там лучше русских и казахов. Мне Генрих рассказывал, у них было чисто, аккуратно, свой колхоз, мяса было завались, они там оросительную систему ввели, у них все росло и пахло, как говорится. По-немецки уже говорили только старики, а он тоже гутен морген знал, дер шуль, дыр тыш. В школе-то на русском учили и кругом русские или казахи тоже на русском. А второй язык, прикинь, он рассказывал, им нарочно французский ввели, а не немецкий, хотя знали, что половина немцев учится.

МАША. В Германии тоже, наверное, трудно было без языка?

НАТАША. Да нормально там было. Сначала на пособиях посидел, потом хаус-мастером устроился, там язык особо не нужен. Это что-то вроде дворника или консьержа, в общем за домом приглядывать. Хватало. Кто ж знал, что он так быстро лапты склеит.

Пауза.

Не везет мне. Все, кто меня любят, умирают. Я вот больше отца любила, чем мать, а он помер, и я оказалась в детдоме фактически, с Сережкой братом, но ему полегче было, в двенадцать, а мне восемь было. Мать нас редко навещала, из Ростова не наездишься. А когда мать потом замуж вышла за вдовца с домом, забрала меня... А мне уж и не хотелось. Мне уже четырнадцать было, я уже не девочка была, в полном смысле этого слова.

МАША. А брат где?

НАТАША (пауза). Брат где? А брата нет... утонул.

Как-то холодно (поежилась Наташа, почувствовав что-то колкое и неприятное глубоко-глубоко внутри. Она глядела на стены, оклеенные очень старыми и давно вышедшими из моды королевскими темно-зелеными обоями, которые были увешаны фотопортретами предков: это военные РККА с ромбиками в петлицах вместо погон, красивые мужчины и женщины в старинных платьях и шляпах, бородатый священник в шелковой рясе с большим крестом на груди. В коридоре и даже на кухне тоже висели какие-то картины, иконы, миниатюры, гравюры, чеканка, она вдруг почувствовала сухость во рту и какой-то внезапный страх, словно ночью навалился на грудь домовый, аж в глазах потемнело.)

М. Что, Наташ?

Н. Да не знаю, с детства у меня это. Как-то нас на каникулы вывезли в Питер на экскурсию, в музей привели, а там столько картин, не помню, как музей называется, в общем ходили мы ходили, во рту пересохло у меня, и я отстала, села на банкетку и заснула, а там меня тетка разбудила, я испугалась, бегала, искала группу, а там эти картины кругом, огромные, эти канделябры, золото, хрусталь, страшно.

(Маша подумала: как странно, это синдром Стендаля, о котором она только читала, но никогда не встречала. А Наташа посмотрела на прямую спину Маши, на ее темные волосы, длинную худую шею, откинутую назад голову, глянула в какое-то старинное мутное зеркало и увидела свою сутулую фигуру, с кривоватыми ногами из-за плохого

питания в детстве, она попыталась выпрямить спину и держать, подражая Маше, которая что-то говорила про дедушек, прадедушек, про художников, про историю кабинетного рояля, на котором в двадцатые годы играл какой-то известный в те годы композитор. В какой-то момент она почувствовала, что ей полегчало, еще секунду назад, у нее было сильное желание толкнуть эту прямую спину, ущипнуть эту тонкую шею, эти длинные ухоженные локти, до слёз, и вдруг она стала думать о своей спине, а когда переставала думать о спине, то опять горбилась и чувствовала обиду и злость, и опять заставляла себя выпрямиться и думать о спине, «думай о спине и больше ни о чем», «думай о спине», «думай о спине»).

М. Наташа! Ты где? Эй! Что с тобой? (Маша с тревогой всматривалась в ее лицо.)

Н. Просто голова закружилась, не выпалась. (Наташа обнаружила, что они теперь стоят в той комнате, которую Ольга Сергеевна называла бельевой. Она хорошо запомнила эти слова). Красивая квартира у вас, как музей.

М. Музей, который срочно требует реставрации. Все запущено, а чтобы отремонтировать, нужно кучу денег, где их взять непонятно.

Н. А занять, в банке?

М. А потом отдавать. Наша семейка не умеет жить по средствам.

Н. Ну, не знаю, у нас в Тамбове, если б не микрозаймы, никто б даже сотовый не купил. Только потом коллекторы затрахали. И все из-за несчастной стиралки. Жадобы.

М. Как тебе комнатка?

(Наташа оглядела тесную комнатку)

Н. Да ничо так, нормальная комната, главное койка есть, *(она села на кровать с панцирной сеткой, посмотрела на выцветшие пыльные желтые шторы, дырявый торшер, раскладывающееся сломанное кресло, слишком громоздкий гардероб для такой комнаты, явно лишнюю советскую стиральную машинку, престижную для 80-х «Вятку» с фронтальной загрузкой, вспомнила, что у них была жуткая громоздкая цилиндрическая «Волга», которая постоянно ломалась и мать все равно стирала руками, отпаривала белье, поэтому руки у матери были грубые и шершавые.)*

На стене висело несколько книжных полок, забитых пыльными старыми книгами, собрание сочинений Драйзера, Сергей Михалков, Серия Приключений, зеленые сборники русской и советской поэзии.

МАША. Делай с комнатой что хочешь, по мне, я бы все отсюда выкинула, включая книги вместе с книжными полками.

Н. Книги не жалко? У нас была одна полка с книжками, все из библиотеки *(Она вспомнила ветхий разбухший детектив про майора Пронина, пара любовных романов Даниэлы Стил в розовых обложках, Есенин еще, отец любил Есенина, и журналы «Здоровье»,*

«Крестьянка», «Работница», в них выкройки были, всякие советы, как за лицом ухаживать. Еще был один номер «Техники молодежи»).

М. Это хлам, а не книги (Маша провела пальцем по корешкам, палец стал мгновенно серым) пылесборники. Нормальные книги у нас в библиотеке в папином кабинете, в гостиной и в прихожей, хотя я бы их тоже как-то проредила, все времени нет. Да и мама на пороге ляжет. (Она посмотрела на часы) В общем, устраивайся.

Маша уходит.

На панцирной сетке лежал свернутый матрас, тонковатая подушка, синтепоновое одеяло, чистое белье и полотенце. Наташа легла, не раздеваясь, на панцирную сетку, уставилась в потрескавшийся потолок, часы громко тикали. Она встала на кресло, дотянулась до часов, сняла их со стены, это были электронные часы, кварц, перевернула, вытащила батарейки, часы остановились. Она повесила их назад, уже остановившимися, с мертвыми стрелками, спустилась с кресла, убрала батарейки в комод. Из приоткрытой форточки дул весенний ветерок, ей было холодно, она ненавидела открытые окна и сквозняки, подошла к окну, резко закрыла форточку, закрыла дверь. Старый сиамский кот, который все это время, оказывается, спал в завалах, сразу занервничал, подошел к закрытой двери. Кошек Наташа не любила и боялась. Была в детстве одна история, о которой она не любила вспоминать.

НАТАША. Иди отсюда.

Она приоткрыла дверь подтолкнула кота ногой, кот удивленно оглянулся. С ним никто с момента рождения так грубо не обращался, он обиженно мяукнул, дернул хвостом, пошел к хозяевам.

*Наташа, развернула матрас, застелила постель, порылась в дешевом чемодане, с досадой заметила, что одно колесико сломалось, открыла тугую молнию, достала футболку с надписью *Just do it*, трико и тапочки. Легла, повернулась и быстро заснула на животе.*

СЦЕНА 6

Зима, Наташе восемь лет. Она ждет мать, которая зашла в кабинет к директорше интерната. Дверь плотно закрыта, Наташа сидит на банкетке с дерматиновым покрытием и ковыряет дырку, из которой торчит белый наполнитель. Наконец мать выходит вместе с директоршей. Наташа подбегает к матери, тянет руку, та почему-то прячет руку в карман пальто, тогда Наташа хватается за полы пальто, мать шипит:

МАТЬ (и бьет ее по руке). Отцепись.

Наташа чувствует свою вину, чувствует, как глаза мгновенно наполняются слезами, начинает хныкать.

МАТЬ. Заткнись, кому сказала.

ДИРЕКТРИСА. Наташенька (голос директрисы, напротив, нарочито ласковый). Ты сегодня останешься здесь, пойдем со мной (*протягивает руку Наташе. Мать в это время ускоряет шаг и почти бежит к двери.*)

Наташа плачет, бежит за матерью, ее держат за руку, она вырывается, бежит, но чувствует, что ноги ватные, что бежать она не может, как будто ее разбил паралич, она плачет, вытирает слезы, ее сердце выскакивает, она кричит «мама, мама», задыхается и просыпается в темной комнате. Она трогает сухое лицо и понимает, что это был сон. Во рту сухо, за окном горит фонарь, качаются деревья.

Наташа садится на кровати, прислушивается, слышит приглушенные голоса и бормотание радио. Ее комната примыкает к кухне, ведь когда-то здесь жила домработница.

СЦЕНА 7

Наташа чувствует, что хочет в туалет. Она запомнила, что туалет рядом с кухней, откуда раздавались голоса, в том числе мужские, это был еще кто-то, не только Андрей. Она берет первую попавшуюся книгу, «Сказки» Андерсена и выходит в ярко освещенную кухню, как на сцену. Ей словно 11 лет, когда она в интернете выступает на сцене в поэтическом монтаже на празднике, она помнит, как читала стихи Барто и забыла слова, как ей стыдно, как хочется тут же спрятаться за бордовую бархатную кулису, но нельзя. Здесь тоже хочется нырнуть обратно в комнату, но нельзя, на нее смотрят и чего-то ждут. Она смотрит на стол, на котором стоит бутылка вина, заварочный чайник, чашки, торт. За столом сидят люди: кроме Ольги Сергеевны и Маши, сидели двое незнакомых мужчин: один полноватый, лысоватый, с ленивыми движениями и голубыми глазами, другой черноволосый, с черной хипстерской бородкой, высокий, красивый, большой, с большими ладонями и кистями, он громко что-то доказывал, говоря непонятные слова: «конттерпорари арт», «инсталляции», перформанс, хэппенинги...

МАРК. Вы понимаете, что они монетизировали искусство? Это уже не искусство.

Художник, который умеет рисовать, это уже, по мнению кураторов, просто ремесленник.

Ну хорошо, а кто их на это уполномочил? Ну вот я пишу собачек, котиков ненавистных, я честно говорю, что это заказ, за который мне платят, а искусством я дома занимаюсь, в свободное время.

НАТАША (*быстро смотрит на Марка, заметно смущается*). Ой, здрассте.

ОС. А вот и наша Наташа. Наташенька, познакомься, это друг Андрея – Марк, талантливый художник.

МАРК. Все талантливые за границей, Ольга Сергеевна.

МАША. Чаю не хочешь?

МАРК. А может, винца слегонца?

НАТАША. Чаю я выпью, спасибо... ой, спасибо большое! Я щас только вот мне надо в тубзик зайти.

ОС. Вы можете в другой клозет пойти, если вас смущает наше общество (тут Ольга Сергеевна заметила в руке у Наташи книгу.) Это что у вас, Андерсен? А я его обыскалась.

Н. Угу (Наташа уже хотела двинуться в коридор).

ОС. Наташенька, вы извините, конечно, но я надеюсь, вы не собираетесь идти в туалет с книгой?

(Наташа опешила. Она остановилась, прижав книгу к груди.)

МАРК. «Дочь советской Киргизии».

Н. Так я думала, там хлам один, почему не взять. А почему Киргизии?

ОС. Хлам? Как книги могут быть хламом?

АНДРЕЙ. Это картина Чуйкова, там девушка с книгами стоит.

МАРК. Вы так грациозно застыли с этой книжкой, что мне захотелось вас написать.

МАША. Мама, это я сказала Наташе, что в той комнате один хлам и она может с ним делать, что хочет.

ОС. А меня спрашивать уже не надо? «Хлам»! У нас не принято книги в отхожее место носить.

АНДРЕЙ. Мамуль, а как же Николай Второй, у него в сортире целая библиотека была...

ОС. Вот поэтому он так плохо кончил, ваш Николай.

АНДРЕЙ. Вы так не пугайтесь, Наташа. Мама нам тоже запрещает читать в туалете. У мамы пунктик.

ОС. Пооскорбляй мать, пооскорбляй.

(Андрей встает из-за стола, подходит к Наташе, мягко забирает у нее Андерсена).

АНДРЕЙ. Хороший выбор, кстати. Здесь есть одна сказка, моя любимая... «Красные башмачки»... Давайте я вас провожу до другого туалета.

Они выходят.

В просторном туалете Кирилловых Наташа включает воду (там есть маленькая раковина), сидит на унитазах, уставившись в одну точку. Наташа прислушивается к приглушенным голосам на кухне, но ничего не может разобрать. Она невольно начинает прислушиваться к себе.

Семь лет назад Наташа неожиданно приехала к своей подруге Свете и оставила вещи, пока будет искать работу и жилье. Жила она у Светы в малосемейном общежитии где-то в Люберцах, платила за койку. Света работала санитаркой в больнице, в отделении неврологии. Наташе тотально не везло с работой и с жильем, и тогда Света предложила ей работу сиделки в больнице при одном дедушке. Родственники не торопились его забирать, потому что переезжали в новую квартиру, а потом делали ремонт. И заплатили за его продление в больнице. Им понадобилась сиделка. Больной старичок лежал в отдельном боксе, ей поставили рядом койку и она там же ночевала, в углу. Три недели он был стабильно-тяжелый, надо было: обрабатывать пролежни, менять судно, ставить катетер, капельницу, кормить. Она всё это делала, родственники приходили редко, проверяли, расспрашивали, как он, охали, ахали, делали вид, что заботятся, но забирать его не торопились. За три недели Наташа освоилась в больнице и иногда даже подменяла Свету: мыла за нее полы, или других нянечек и сиделок: подходила к другим больным, у которых не было средств на постоянную сиделку. Она проверяла капельницы, могла и утку вынести, родные благодарили, совали купюры, одна бабка сунула банан, Наташа взяла банан, но выбросила его в помойку, и больше не подходила к тому деду.

И вот однажды привезли худого седовласого мужчину с большими печальными глазами, он не мог говорить, мычал что-то и плакал. На его койке было написано «А. В. Кириллов».

У Алексея Владимировича случился повторный инсульт, хотя врачи уверяли, что кризис миновал, но что-то пошло не так.

Он был разболтан, дергался, порывался встать, она проходила мимо и подержала его руку с капельницей, чтобы не выдернул, присела. И тут вошла Маша, потом измотанная Ольга Сергеевна. Они увидели в лице Наташи ангела. Ольга Сергеевна дала щедро сразу тысячу, благодарила, повторяла, что ей далеко ездить, что у нее самой скачет давление и ей очень тяжело ухаживать, что надо найти сиделку, а Маша позвонила по нескольким номерам, и оказалось или дорого или «одни черные», она жаловалась на сына Андрея, который не переносил больницы, говорил, что лучше пусть его заберут домой, там он готов сидеть у постели отца день и ночь.

Было уже около восьми, Маша и Ольга Сергеевна сидели и мучительно ждали, когда Алексей Владимирович сходит по большому в судно, а он не ходил уже дней пять. Наташа заглянула, сказала, что посидит.

О.С. А как же ваш, Наташенька?

НАТАША. А что ему делается? Он засыпает часов в девять после вечерней капельницы и спит как сурок до утра.

Они обрадовались, предложили как бы полставки, она согласилась и... почти не подходила к нему. Но в дни, когда они должны были прийти, всё делала вовремя и хорошо.

А потом она как-то всю ночь провозилась с одним армянским пациентом (за него очень хорошо заплатили) и так устала, что крепко заснула, а когда проснулась, зашла в соседнюю четырехместную палату проведать Кириллова, зная, что к нему должны прийти, и увидела пустую койку. Оказывается, он умер. Она не стала спрашивать, почему. Умер и умер. Больница такое место. Она позвонила внучке армянского дедушки Наринэ и попросила отгул, наврав, что ей надо обязательно к зубному, что зуб очень болит. Больше она в больницах не работала. Со Светой они рассорились, она уехала к матери и вскоре вышла замуж за Генриха, который был старше ее на тридцать лет.

Умывшись холодной водой, она вытирает лицо туалетной бумагой, сморкается, делает какие странные движения руками, выпрямляет спину, успокаивается, спускает воду и выходит.

СЦЕНА 8

Прошло два месяца. Ольга Сергеевна и Андрей уже давно перебрались на свою старую дачу в Жворонках, Маша была единственным человеком в этой семье, который работал. По профессии она психотерапевт. Когда Кирилловы жили в городе, к Маше приходили клиенты, а на даче чаще всего она общалась с ними по зуму или вела видеоблог.

МАША (*сидит перед ноутбуком или мы видим ее в экране*). Как понять, что ваш начальник токсичен? Он безразличен к вашим инициативам. В лучшем случае ваш результат он присвоит себе, но сделает это так, что вы и этому будете рады. Общается такой начальник только манипулятивно. Токсичный начальник всегда будет пристраиваться сверху и указывать вам на ваши промахи. Еще такой начальник любит копаться в деталях, он всегда придерется к какой-нибудь мелочи: или письмо не так оформлено, или опечатку заметит, ему важнее упаковка, а не содержимое вашего проекта. Что делать с таким начальником? Будьте осознанным. Будьте уважительным к себе. И просто уходите. Чем быстрее вы это сделаете...

Входит Марк.

МАРК. Сумки я отнес. (смотрит на часы) Лучше ехать сейчас.

МАША (захлопывает ноутбук). А что, нельзя было пять минут подождать, пока я закончу?

МАРК. Маша, я потом смонтирую. Только все это бесполезно.

Входит Наташа.

НАТАША. Ой, привет, Марк.

МАРК. Привет. Как дела с поиском работы?

НАТАША. Да обман сплошной. Написано «требуется курьеры», а это торгаши косметикой, топтуны, или отвечать на звонки надо, пошла в кадровое типа агентство, платное, заплатила им две тыщи! а они исчезли, симка левая. Одно жулье!

МАША. А мы на дачу собираемся. У меня сегодня день рожденья. Поехали с нами?

Наташе было не понятно, в каких они отношениях, а спросить она не решалась. Он взял сумки, девушки спустились вниз к машине Марка. Поехали на дачу.

Приехали довольно быстро. Дача Кирилловых была такая же, как и квартира – большая, бестолковая, захлавленная, стены были завешаны старинными фотографиями, картинами, рисунками, мебель рассохлась, побелка потрескалась. Но все равно было уютно, светло и просторно. Участок был тоже довольно заброшен: траву Кирилловы не косили, огорода не держали, но беседка, заросшая плющом и сильный запах одичавших флоксов придавали даче романтизм. Сад напоминал заросшие джунгли, в нем было темно и прохладно, между двумя кривыми старыми яблонями был натянут гамак.

Как-то утром, перед завтраком, Маша покачивалась в гамаке, вокруг вились маленькие фруктовые мушки, Маша курила, дула на них дымом, смешно раздувая щеки. Наташе было не смешно. Появляется Ольга Сергеевна.

ОС. Марусь, а где Марик и Андрюша?

МАША. Они у мангала.

ОС. Я боюсь, как бы они раньше не начали. Ты же знаешь Марика.

МАША. Mam, я ему говорила, но я не могу их контролировать постоянно.

ОС. Окрошку я уже порезала...

Наташа косит триммером.

ОС. Наташенька, ну что вы косите, только мошек этих взбаламутили, они жили себе спокойно в траве... А что я приходила? Маша, у нас яйца кончились.

МАША. А зачем нам яйца, мы же решили рассольник.

ОС. Ну какой рассольник в такую жару, я окрошку хотела.

МАША. А может без первого обойдемся, мам?

ОС. Лето скоро кончится, а мы без окрошки.

МАША. Может, Андрея послать?

ОС. Не надо Андрея трогать, они... сама знаешь, чем это кончается, пусть здесь под присмотром, делом занимаются.

НАТАША. Так давайте я схожу.

ОС. А ты найдешь куда идти, Наташа?

НАТАША. Разберусь.

ОС. Мы яйца не в магазине покупаем, а у Тамары, это соседняя деревня, Лопахино. Маша, объяснишь тогда Наташе? А то мне надо салат нарезать. (*замечает на столе приборы, сервированные неправильно*). Ой, кто же так стол сервирует?

НАТАША. Это я накрывала.

ОС. Боже мой, Наташенька, деточка! Это кто ж вас так научил – вилку с ножом вместе, да еще справа?

НАТАША. А что, удобно же. В столовых так раскладывают.

ОС. Мы же не в столовой, дорогая моя. Вилку надо класть слева, а нож справа. Запомни. Вот так (*показывает*). И что это за стаканы, все разные? У нас же бокалы есть для вина. Для водки стопки. И тарелки не те. Маша, куда ты смотрела? Сделай все по-человечески.

Уходит.

НАТАША (*неохотно перекладывая вилки и ножи*). Не понимаю! Так же удобней.

МАША. Наташ, я сама сделаю, а ты сходи за яйцами.

НАТАША (*снимая фартук*). Знаете, откуда у вас повсюду мушки эти?

Маша перекладывает приборы.

Потому что сад не убираете, у вас яблоки, сливы, всё гниет.

МАША. Но их так много, все не уберешь. Хочешь вина?

НАТАША. Ольга Сергевна позовет, а мы бухие.

МАША А мы чуть-чуть, беленького, ага? (*наливает*)

НАТАША (*переобувается*). Деревня далеко?

МАША. Три километра.

НАТАША. А магаз тут на станции, может я туда метнусь за яичками-то?

МАША. Мне вообще все равно. Давай. Только мама заметит, что они упакованы.

НАТАША. Дык я их из упаковки в пакет переложу, и скажу, что у Тамары взяла.

МАША. А она не догадается?

НАТАША. Куплю белые, самые дорогие, они крупнее. Тогда не догадается.

МАША. Круто, какая ты сообразительная.

ОС (*кричит с веранды*) Девочки! Вы где? Самовар закипел.

НАТАША. И охота с этим самоваром возиться, если чайник есть.

МАША. Мама любит.

СЦЕНА 9

За столом: ОС, Андрей, Маша, Наташа и МАРК. МАРК разливает вино и водку. Когда доходит до Наташи, она отказывается.

НАТАША. Не, я не пью.

МАРК. Даже вино?

НАТАША. Вино не люблю: сладкое в голову шибает, бормотуха, а сухое кислятина.

ОС. Это вы хорошего вина не пробовали, Наташенька.

МАРК. Бормотуха! С 80-х такого слова не слышал. Не все вино бормотуха!

НАТАША. У меня папка от этого помер.

ОС. Ну, это другое дело. Если гены плохие, то лучше не начинать.

НАТАША. Нормальные у нас гены.

МАРК. Ольга Сергеевна, у народа хорошие гены, не то что у аристократов-дегенератов.

АНДРЕЙ. Друзья, предлагаю выпить за новорожденную, мою любимую сестренку! Ура! Ты самая умная и самая красивая! Счастья тебе! *(и выпивает залпом)*

ОС *(тихо)*. Андрюшенька, не гони так.

АНДРЕЙ. Мам, не контролируй. С нами Маша, это ее должность – контролировать мое состояние. Она же у нас дипломированный мозгоправ, или мозговед.

НАТАША. В смысле? Ты психов лечишь?

МАША. Да нет. Я не клинический психотерапевт. Даже аспирин выписать не могу.

ОС *(морщится)*. Сейчас очень строго стало даже с обезболивающими. Меня артрит замучил. Так Маша не может мне их выписать, хорошо Евгений Палыч из четвертой поликлиники по старой памяти помогает.

МАША. Да, Евгений Палыч хороший невролог.

Вдруг на дорожке, ведущей от калитки к входу на веранду, показался человек. Ольга Сергеевна надела очки и сразу закричала в открытое окно:

ОС. Николай Петрович! Какими судьбами? Заходите!

Гость ускоряет шаг к веранде.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Вот видишь, я как чувствовала, не случайно у меня нож упал.
Председатель собственной персоной.

Дверь открывается. Входит высокий плотный мужчина лет за шестьдесят, на седых коротко стриженных волосах капитанская морская фуражка... Это Николай Петрович.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Обедаете?

ОС. У Маши день рождения. Присоединяйтесь.

НП. Поздравляю! Я, наверно, не во время. Я по делу зашел.

Тем не менее садится за стол.

НП. Уф, жарница началась.

ОС. Наташенька, положи Николаю Петровичу шашлыка. Водочки, Николай Петрович?

НП. Ну давайте, только одну рюмку буквально. В жару такую жена пить не разрешает.

ОС. Андрюша, налей Николаю Петровичу.

Андрей наливает.

НП. Всё, всё... Буквально сорок капель.

ОС. Скажите что-нибудь, Николай Петрович.

(все ждут, что он как новый человек что-нибудь скажет)

НП. Маша, поздравляю с днем рождения, желаю тебе, как говорится, всех благ, и главное здоровья, здоровье будет, а остальное все приложится, и счастья в личной жизни.

Выпивают.

МАША. Да, счастья мне не помешает.

ОС. Салатику не хотите, из крабов, настоящих, а не палочек. Помните, раньше крабы были везде, стояли на полках, как сейчас килька в томатном соусе?

НП. Да, было такое, только давно, я уж их не пробовал сто лет. Они дорогие теперь.

ОС. А нам Марик принес. Так что вы хотели нам сообщить, Николай Петрович?

НП. Да это такое дело, даже не знаю, не к месту, наверное, сейчас.

ОС. Да что случилось-то? Нет уж, раз начали, говорите, а то вы меня пугаете, Николай Петрович.

НП. Нет, нет, волноваться нет причины, это просто какая-то, наверное, ошибка. Тут из налоговой вот пришло уведомление на имя Алексея Владимировича.

ОС. Что?! Какое может быть на Алексея Владимировича уведомление, если он три года как ушел от нас? Это чушь какая-то.

НП (*достает из кармана бумагу*). Вот и я удивился. Сейчас же новые законы приняли, я подумал, может, вы не зарегистрировали дом.

ОС. Я без очков. Андрюша, почитай, что там?

Андрей (*смотрит бумагу*). Ничего не понимаю, здесь какая-то сумма за пять лет. Мам, а ты разве налоги не платила?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как не платила! Николай Петрович, мы ведь каждое лето вам платим, и сумма эта растет.

НП. Это дачные взносы. Я только за них в ответе.

ОЛЬГА С. А за газ и за свет кто в ответе? Мы всегда вам сдавали, Николай Петрович, вы со всех собираете и отправляете, куда следует. Раньше Алексей Владимирович с вами контактировал, а потом Андрюша. Ты ведь платил, Андрюшенька? Где квитанции?

АНДРЕЙ. Платил, я платил, мам. Наверное, какая-то ошибка.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Вы не поняли. Это не взносы, и не за свет и газ. Это налоговая, они сейчас все контролируют. Раньше-то копейки были, а вот за последние три года как раз цены стали рыночные, налоги выросли резко.

ОС. Я в этом ничего не понимаю. Андрюша, Маша, вы что-нибудь понимаете? Может, они что-то там потеряли или своровали, а нам приходят штрафы! Вот видишь, Наташенька, как все запутано в этой стране, все чего-то от нас требуют. Безобразие. Зря вы вернулись. В Германии по крайней мере Ordnung.

НАТАША. Можно? (*берет, читает*) Хм, тут владельцем указан Алексей Владимирович. Значит, дача зарегистрирована на него.

НП. Вот и я про то же. Я думал, вы все оформили.

НАТАША. А вам на ваш городской адрес разве не приходило счетов?

ОС. А мы уже давно в ящик не заглядывали, мы же не выписываем ничего, письма и телеграммы сейчас нормальные никто не посылает. Андрюша все находит по компьютеру, а я с компьютером на вы, как говорится.

НП. Ну, я пошел тогда, а то мне надо успеть в кадастровую съездить.

Уходит.

ОЛЬГА С. У нас все дела вел Алексей Владимирович. Я этого всего не касалась никогда. После его смер... ухода, Господи, я до сих пор в это не верю, не могу привыкнуть, я не могла сразу за квартиру даже платить. Хорошо, у нас электрические счетчики автоматические. Я точно знаю, что завещания он не оставил, а зачем? У него никаких

других жен, детей не было, брат есть, но он давно уехал за границу, у него своя жизнь в Америке. С кем делить-то?

НАТАША. Так вы и квартиру не переводили на себя?

ОЛЬГА. А у нас квартира неприватизирована. Она ведомственная.

НАТАША. Вы до сих пор не приватизировали квартиру?? Ну вы даете!

ОЛЬГА. А зачем?

НАТАША. Ну как зачем. Чтобы завещать, продать, мало ли. Вы прям динозавры какие-то, я извиняюсь.

МАРК. Вы серьезно, Ольга Сергеевна? Вы не приватизировали квартиру?

ОЛЬГА А (раздражаясь). Давайте сейчас не будем впутывать сюда квартиру. Меня волнует вот эта бумажка, кто-нибудь объясните, что это все значит?

НАТАША (смотрит в уведомление). Ну у вас тут за семь лет долг набежал и пени за участок и дом. 43 247 рублей 47 копеек.

ОЛЬГА А. Почему за семь? Его же три года как нет. Андрей, я ничего не понимаю, откуда такие астрономические суммы, почему мы кому-то должны? А за что мы Николаю Петровичу каждый год платим взносы эти, а?

МАША. Папа болел, мам, и никто не платил.

ОС. Как не платил, мы Николаю Петровичу платили, у меня все жировки остались, Маша, там в папином столе, в его кабинете, посмотри.

МАША. Мам, ну это не про взносы. Сколько можно.

НАТАША. Ольга Сергеевна, дачные взносы это не налоги.

ОЛЬГА. Нет, подожди, ты не понимаешь, Наташенька. Андрюша, принеси там в верхнем ящике стола, принеси срочно ее.

Андрей уходит. Марку становится скучно, он тоже встает из-за стола, закуривает.

ОС (кричит вслед). Очки там мои на трюмо, принеси!

НАТАША. Ольга Сергеевна, вы все красные сделали, это вредно.

МАРК (встает, бормочет). Красные раки разбирают бумаги. (Маше) Я, наверное, поеду, Маш. Мне надо сегодня с заказчиком встретится.

МАША. Ты же хотел остаться. Ты же пил.

МАРК. Это разве «пил»?

Разговаривая, они выходят на улицу.

Андрей возвращается с кипой квитанций и очками. Ольга Александровна хватает их, надевает очки, роется в бумагах.

ОС. Ну, вот. Все здесь точно, как в аптеке за все годы, я все храню.

НАТАША (смотрит на квитанции). Это квитанции за дачные взносы, тут видите, так и написано, дачный взнос. Они идут на содержание вашего бухгалтера и председателя, и сторожа и вывоз мусора. А это налоги, понимаете?

ОЛЬГА С. Наташа, ты что от меня сейчас хочешь, ты хочешь сказать, что мы живем за чужой счет, не платим ничего? Андрюша, что-то мне стало неважно, мне надо прилечь.

Ольга С. уходит, держась за сердце.

НАТАША. Андрей, извини, я не хотела расстраивать твою маму. Если хочешь, я тебе объясню, дело серьезное.

АНДРЕЙ (морщится). Ой, Наташ, как-то это все скучно.

НАТАША. Вы дачи можете лишиться, будете скучать тогда летом в Москве.

АНДРЕЙ. Ну, хорошо, объясняй. Только коротко и ясно. Все-то ты знаешь.

НАТАША. Я знаю, мне приходилось вступать в наследство по закону. Можно не напрягать маму, а сходить для начала в ваше районное МФЦ.

АНДРЕЙ. Я там никогда не был. Это что такое вообще?

НАТАША. Хочешь я за вас схожу и все узнаю?

АНДРЕЙ. Ну сходи.

НАТАША. Только мне не дадут ничего, я же вам никто и не зарегистрирована в квартире.

АНДРЕЙ. Тогда выходи за меня и покончим уже с этой регистрацией.

Пауза.

НАТАША. Шутите? Зачем вы так. Я про то, что дают справки только собственникам. А вы прикалываетесь.

АНДРЕЙ. Давай на ты. А то как-то это нехорошо. Я к тебе на ты, а ты на вы.

НАТАША. Давай.

АНДРЕЙ (*наливает себе и ей вина*). Выпьем? Разочек.

НАТАША. За что?

АНДРЕЙ. За любовь.

Чокаются, он пьет, она делает глоток.

АНДРЕЙ. Сходим осенью в твой этот, эмфэцэ, и заодно в ЗАГС, а то щас неохота в Москву переться в такую жару.

СЦЕНА 10

Наташа и Андрей.

НАТАША. И вот эта девочка, она не любила вообще кошек, и она один раз замучила котенка.

Пауза.

АНДРЕЙ. А сколько ей было?

НАТАША. Ей... было восемь, кажется, или девять.

АНДРЕЙ. И что, она это рассказала тебе?

НАТАША. А она прочитала в одной книжке, ей верующая учительница дала, была у нас такая, и она дала ей почитать про какого-то святого, и там история, что он когда маленький был котенку хотел глазик выколоть, просто думал, что это пуговка или камушек, ну он был совсем малой, там, три-четыре года, не соображал еще, а ей-то уже 9 был, уже понимала, что делает. Ну и вот. Он потом вырос этот святой, и поступил в монастырь, забыл давно про котенка того, и вот однажды пошел он за водой к колодцу, а ему другой монах кааак заедет водоносной-то, и тут он вспомнил про котенка.

Пауза.

НАТАША. А она как прочитала про этого монаха с котенком, вспомнила про своего котенка. И это ее расстроило. Стала она бояться с тех пор кошек.

АНДРЕЙ. Ну может, все это случайно получилось? Дети все-таки.

НАТАША. Нет, нет, в том-то и дело, не случайно, но она сама не понимает, зачем она это сделала. Ей тогда было плохо, хуже всех в интернате: тогда этого котенка подарили на день рождения другой девочке ее будущая мама, а этой девочке очень хотелось в семью. И ей было так... плохо, так на душе тошно, не знаю, как сказать, что она взяла этого котенка и стала поджигать ему хвостик зажигалкой, а потом...

АНДРЕЙ. Хватит. Стоп. (Андрей закуривает, встает, начинает ходить.) Уффф! Какое ужасное место, эти все детдома. Надо про это написать сценарий. Будешь мне рассказывать?

НАТАША. Ну ты вон ведь не дослушал.

АНДРЕЙ. Наверное, с ей тоже что-то ужасное случилось, ты же к этому привела аналогию с монахом?

НАТАША. А вот и нет, а вот и нет! И ничего с ней не случилось, выросла она, тоже забыла про котенка. И все у нее неплохо в жизни.

АНДРЕЙ. Ясно. Хм. Посткарма.

СЦЕНА 11

Квартира Кирилловых. ОС веселая, заходят Маша и Марк.

ОС напевает что-то из Вертинского.

МАША. Мамуль, чего ты такая веселая?

ОС. Есть повод.

МАРК. Какая вы загадочная, Ольга Сергеевна.

ОС. Наташа нас спасла. Спасла наше имущество.

МАША. Ты про дачу?

ОС. Они сейчас с Андреем в МФЦ, уже пошли забирать свидетельство. Звонили только что. Буквально еще прошел бы месяц, и нам пришлось бы возвращать нашу же дачу по суду. И квартиру заодно приватизировали. Это сейчас так просто.

МАРК. По суду? Почему?

ОС. А вот представь, когда Алексей Владимирович ушел (*лицо ее становится скорбным*), оказывается полгода дается, чтобы вступить в наследство, а мы, дураки, ничего не делали.

Входят Наташа и Андрей, после дождя, мокрые и веселые.

АНДРЕЙ (кричит на кухню). Мам, есть чего пожрать?

НАТАША. Фу, как грубо.

МАРК. А как не грубо, Наташа?

НАТАША. Ну, я не знаю, кушать не грубо.

МАРК. Кушать это лакейская лексика. Если хотите стать своей в приличном кругу, забудьте это слово.

НАТАША. И ничего не лакейское, нормальное слово. Мы всегда так говорили.

МАША. Марк, прекрати. Марина Цветаева говорила: воспитанный человек - это не тот, кто тарелку наклоняет на себя, то есть что-то про соус, там... (вспоминает) не прольет соус, а кто не заметит этого.

ОС (входит с супницей). Это не Цветаева сказала, а Антон Палыч. Знактоки! Маш, подставку скорей.

МАША (ищет, не находит). Где она?

ОС. Быстрей давай. Мне тяжело держать.

Наташа достаёт подставку из комода. ОС ставит супницу.

ОС. Спасибо, Наташенька. У нас теперь благодаря Наташе все вещи на своих местах лежат. Ну садитесь обедать.

Все садятся, Марк открывает бутылку виски, разливает.

НАТАША. Мне вина чутка.

МАРК. Чутка! Прелесть.

МАША. Марк, хватит.

МАРК. Что?

МАША. Ничего.

НАТАША. Ничего, я не обижаюсь. Вы поправляйте меня, я сама знаю, что ошибки допускаю.

ОС. А вы, Наташа, читайте побольше.

МАРК. Главное не в клозете.

АНДРЕЙ. Всё, давайте уже выпьем за Наташу! Наташа нас спасла. Как там это называется?

НАТАША. Выморочное имущество.

МАРК. Выморочное какое страшное слово.

ОС. Волшебно! Она всё знает.

НАТАША. Я одно время подрабатывала продажей недвижимости.

МАРК. Риэлтором?

НАТАША. Просто помогала, я ж не могла работать официально, ну вот бегала, оформляла все эти дела.

МАРК. А сейчас не работаете?

НАТАША. Ищу, но трудно найти без регистрации.

МАРК. Наташа, не хотите натурщицей подработать? Я серьезно.

АНДРЕЙ. Мам, а давай зарегистрируем Наташу?

ОС. Прописать? Андрюшенька, это сложно.

МАРК. Опять смутилась. Как тогда с книгами.

МАША. Марк, ты чего там к Наташе пристаешь.

АНДРЕЙ. Мам, это сейчас ничего не значит. Это временная регистрация. Мы в МФЦ спросили. Пишешь заявление и всё.

МАРК. Я? Да ты что! Я только предложил ее написать.

ОС. Давай в другой раз поговорим, Андрюш, не время сейчас. Такие вещи вот так с кондачка не решаются.

Звонит сотовый Андрея.

АНДРЕЙ (*берет телефон, сразу выходит из-за стола*). Да, Ань...

Уходит в свою комнату.

ОС (*вздыхая*). Опять эта Аня.

Пауза.

НАТАША (*тихо Марку*). Вы это правда?

МАРК. Что?

НАТАША. Ну, нарисовать меня хотите?

МАРК. Ах, нарисовать. Видите ли, Наташа. Рисуют графики, а живописцы пишут. Ну как пишут писатели тексты буквами, а мы свои тексты пишем красками. А рисуют - дети в детском саду.

Андрей возвращается.

АНДРЕЙ. Там у Ани с роутером что-то, просит помочь.

ОС. А муж у нее не разбирается в компьютерах?

АНДРЕЙ. Мам, он в командировке.

ОС. Какое совпадение. Муж в дверь, жена в Тверь.

АНДРЕЙ. Мам. Всё.

ОС. Ладно, делайте, что хотите.

Андрей уходит.

МАРК. Юрдэн добрый.

НАТАША. Юрдэн?

МАРК. Да. Это детское прозвище.

НАТАША. Чудно. У нас Андреев Дрюнями звали.

МАША. Это анаграмма от английского Эндрю. Андрей – Юрдэн, а Марк угадай, как?

НАТАША. А что такое анаграмма?

МАРК. ДОРОГА – ГОРОДА.

НАТАША. Игра такая, что ли?

МАРК. Проехали. Марунь, я, пожалуй, пойду. Мне надо еще к Филу заскочить. Можем вместе.

МАША. Нет, Марик, поезжай к Филу без меня.

МАРИК. Ты уверена?

МАША. Да.

МАРК. До свидания, Ольга Сергеевна. А вы, Наташ, подумайте.

Марк уходит.

НАТАША. Что-то все разбежались.

ОС. Надо бы посуду собрать, девочки. Помоете? А то у меня в голове шумит сегодня, переволновалась.

МАША. Конечно, мам, отдохни.

ОС уходит. Наташа начинает убирать посуду. Маша наливает себе вина.

МАША. Наташ, да не суетись. Все машина помоеет.

НАТАША. А я люблю посуду мыть руками. Не знаю почему. Как-то успокаивает.

МАША. Давай посидим, вина выпьем хорошего. Или ты не пьешь вроде?

НАТАША. Я кислое не люблю.

МАША. А у нас где-то был полусладкий токай, и херес.

Достает, наливает.

НАТАША (осторожно отпивает). Вкусненько.

МАША. Конечно, «вкусненько». Что загрустила?

НАТАША. Да неудобно, живу тут как приживалка. Каждый день ищу работу. Везде требуют эту дурацкую регистрацию. А как я ее сделаю. Даже не знаю, к бабке, что ль какой прописаться. Я когда в больнице подрабатывала за Светку, она меня там с бабкой одной познакомила, только я ей помогать начала, какой-то племяш объявился, выгнал меня. Не везет мне.

МАША. Мама у нас советской формации. Я уже ей сто раз говорила, что регистрация, тем более временная, ни на что не влияет, но это бесполезно.

НАТАША. Мне бы только на первое время. Я бы нашла сразу работу: я и в детсад могу, и санитаркой, и официанткой, и риэлтором.

МАША. А образование у тебя есть какое-нибудь?

НАТАША. А как же, что ж я, по-вашему, совсем. У меня неоконченное: наш областной институт, пед. Но я как на ноги встану, закончу его.

МАША. У тебя неоконченное высшее? Надо же, у Андрея тоже. Он так и не окончил, балбес, свой ВГИК. То от армии прятался, то в академку уходил.

НАТАША. В академку, это по болезни?

МАША. А, ну это просто там... У него там были проблемы, а в армию никто не хочет, и учился он, его уже отчислять хотели, папа договорился, в академический отпуск его отправил.

Звонок в дверь. Входит Костя.

КОСТЯ. Привет, Маша. Наташа, здравствуйте.

МАША и НАТАША здороваются по-разному.

КОСТЯ. А Анька моя к вам не заходила? Приехал сейчас, дома никого, бардак.

МАША. Нет, Костя, не заходила.

НАТАША. А разве...

КОСТЯ. Что?

НАТАША. Да не, ничего. Это я просто подумала.

Костя видит накрытый стол.

КОСТЯ. А что у вас, праздник какой?

МАША. Нет. Просто сегодня обмываем одно дело, которое нам помогла Наташа сделать. Присоединяйся. Есть хочешь, у нас рассольник мама сварила с потрошками.

КОСТЯ. Не откажусь. А то работаешь, работаешь, а жена где-то шляется, дома неметёно, небелёно.

Маша наливает суп. Костя сам себе наливает виски.

КОСТЯ. Все разбежались, значит?

МАША. Да, кто куда. Марик заходил. Потом ушли все.

КОСТЯ. За что выпьем?

НАТАША (*неожиданно*). А давайте выпьем за дом, за семью.

Выпивают.

НАТАША. Я так благодарна тебе, Маша, и Ольге Сергеевне, и Андрею, что уже три месяца меня терпите.

МАША. Слушай, Костя, может, у тебя есть какие-то там входы-выходы, Наташу куда-нибудь зарегистрировать или прописать к бабке какой?

КОСТЯ. Ну я же в жэке не работаю, Маш. И сейчас это непросто, практически невозможно. Все же электронное, сразу заметят. Не, это надо как-то по-другому делать. А чего вы ее не зарегистрируете?

МАША. Мама, ну ты понимаешь. Может, ты поговоришь с ней, объяснишь?

КОСТЯ. Это можно.

МАША. Она тебя послушает.

НАТАША. Не желаете второго?

КОСТЯ. Спасибки. Я в контору, в столовке покушаю.

Встает, уходит. Маша хватает телефон, звонит.

МАША. Ты где сейчас? (пауза) Аня с тобой? (пауза) Костя вернулся. (пауза) Ты доиграешься, идиот. (пауза) Марк к Филу поехал, как обычно. (пауза) Не надо тебе к Филу. (разговор обрывается) Как мне все это обрыдло.

НАТАША. Он с его женой спит?

МАША. Да, увы. Эта Аня такая дура. Сколько я ему говорила, бесполезно. Она с жиру бесится, от скуки. У нее дед здесь жил, старый энкавэдэшник, долго жил, в 98 лет умер, и то, упал и сломал шейку бедра, а так бодрый был старик. Она его внучка, другой внук Артем давно в Америке живет, дочь уехала, сын умер, вот Аня этого сына дочь, Ивана Валентиновича. И Костик вскоре этот нарисовался, с очередным обходом, он фэсэошником вроде работал. Стал ходить, потом поженились. А потом поссорились они, вроде он ее ударил, и она к нам пришла ночевать. А потом утром он уехал, Андрей к ней зашел, ну и началась эта Санта-Барбара.

НАТАША. В смысле?

МАША. Санта-Барбара это сериал такой был, неужели не смотрела в 90-е?

НАТАША. Неа, у нас в интернате телик один на весь дом, в коридоре, так нам воспиталки не разрешали смотреть. Сами зырили, а потом его кто-то стырил.

МАША. А может, и к лучшему, всякую ерунду не смотрела.

НАТАША. А мне хотелось ерунду смотреть, как все. Сидеть у отца на коленке и смотреть телевизор, помню, мне три года, я у него на коленке сижу, он меня подбрасывает, вот запомнила только это, и запах его, какой-то солярой, табачищем. А потом все пошло кувырком после пожара, он заснул, папиросу уронил и сгорел. Ненавижу окурки эти. *(хватает пепельницу, полную окурков, выбрасывает окурки)*

СЦЕНА 12

Ночь. Квартира Кирилловых. Все спят. Дверь открывается, входят Андрей и Марк, оба пьяные. Их не видно, но слышно. О чем они говорят, совершенно непонятно, пьяный бред.

АНДРЕЙ. Нет, Мар, я очень плохо поступил.

МАРК. Нет, Юрдэн, ты поступил так, как ты поступил.

АНДРЕЙ. Я очень плохо поступил.

МАРК. Но ты же ее любишь.

АНДРЕЙ. Не знаю.

МАРК. А я знаю.

АНДРЕЙ. А ты Машу любишь?

МАРК. Не знаю.

АНДРЕЙ. Она все время меня спрашивает: ты меня любишь?

МАРК. Не отвечай. Им нельзя отвечать.

АНДРЕЙ. А я и не отвечаю. Я не хочу разрушать семью.

МАРК. Тогда чего ты хочешь?

АНДРЕЙ. Я просто хочу трахаться. Вернее, я и этого уже не очень хочу.

МАРК. У тебя что-нибудь осталось?

АНДРЕЙ. Коньяк должен быть.

МАРК. Давай выпьем.

Выходит ОС.

МАРК. Ольга Сергеевна, добрый день!

ОС (зовет кота). Керуак! Кс-кс! А где кот?

АНДРЕЙ. Кот же на даче был.

ОС. Нет его на даче!

АНДРЕЙ. Мам, где был коньяк у нас?

ОС. Андрюша, какой коньяк! Вы на бровях уже. Марик! Куда же он делся? Я не помню, его ведь отвозили? Керуак! Кера, Кера!

МАРК. Ольга Сергеевна, мы с Андреем друзья, для меня Андрей как брат.

ОС. Тем более. Не хорошо брата спаивать.

АНДРЕЙ. Мама!

ОС. Тихо, Наташу разбудите. Она же тут в Клавиной, то есть в бельевой.

АНДРЕЙ. Мам, не называй ты ее комнату бельевой и Клавиной тем более.

ОС. А можно меня в своем доме не будут поправлять?

АНДРЕЙ. Мам, тссс. Услышит.

МАРК. А что она у вас делает, кто она вообще такая, эта Наташа?

ОС. Марик, тише я прошу тебя.

Выходит Наташа.

НАТАША. А я слышу голоса. Здассте.

ОС. Наташ, а кота ты не видела?

НАТАША. Он на даче был.

ОС. На даче его нет.

НАТАША. Был. Может, убежал.

МАРК. Убежал, потому что ты его ногой пнула. Она не любит кошек.

НАТАША. Он просто под ногами путается. Я боялась наступить.

МАРК. Нет, ты его со злобой пнула.

АНДРЕЙ. Мар, ты охуел?

МАРК. Я охуел? Просто у меня теперь нет ощущения гармонии, а раньше было, в вашем доме была гармония, а теперь ее нет. Лишняя деталь появилась, как у этого, помните там про музыкальную шкатулку. А если она, эта деталь лишняя появилась, то гармония, композиция, все летит к чертям.

ОС. Марик, ты меня огорчаешь.

МАРК. Что смотришь, леди Макбет Курского уезда?

НАТАША. Это вы мне?

МАРК. Тебе, тебе.

НАТАША. А чего вы мне хамите-то? Что я вам сделала? (начинает плакать) За что?

МАРК. Ой, ой, ой! Обиделась принцесса!

АНДРЕЙ. Мар, кончай, ты не прав сейчас.

ОС. Наташа нам помогает, она наш ангел хранитель

Андрей меняется, он чувствует начало приступа эпилепсии.

МАРК. Что с тобой, Андрей... Юрдэн, прости...

АНДРЕЙ. Мам...

ОС. Тебя ведет, Андрей... (с ужасом) Андрей, это аура?

АНДРЕЙ. Мааам...

Андрей падает в приступе эпилепсии...

ОС. Андрей! Марик, помоги...

МАРК (растерянно). Что с ним?

ОС. Господи! Ты же никогда не видел.

Марик стоит столбом, он в шоке.

Наташа бросается к столу, хватает ложку, держит голову Андрея, засовывает ему ложку в рот, изо рта у Андрея идет пена. Когда приступ проходит, он успокаивается.

МАРК. Ольга Сергеевна, что это было?

ОС. Это эпилепсия, Марик.

МАРК. Что-то мне плохо, Ольга Сергеевна, мне надо в туалет.

ОС. Наташа, Наташа...

На фоне их разговора слышны звуки блюющего Марка.

НАТАША (сажая приходящего в себя Андрея). Ну что, оклемался?

АНДРЕЙ. Да. Извини, Наташа. Мама, я так устал.

ОС. Давай, Андрюшенька, ложись. Наташ, отведешь его?

НАТАША. Конечно, Ольга Сергевна.

Уводит Андрея в комнату.

Из туалета выходит Марк, протрезвевший и смущенный.

МАРК. Ольга Сергеевна... вы извините меня, я никогда не видел, я не думал, что это так...

ОС. Марик, давай потом поговорим. Я сейчас с ног валюсь, если хочешь ложись здесь на диване, укройся пледом, я не в состоянии тебе постелить...

МАРК. Ольга Сергевна, я такси уже вызвал, я поеду. Мне очень жаль.

ОС. Ему нельзя пить, совсем.

МАРК. Я понял.

Звонит сотовый Марка.

МАРК. Да, выхожу (пауза). Нет, со двора, я сказа, а не с улицы. (отбой) Машина приехала, я пойду.

ОС. Ты тоже береги себя. Хотя бы ради Маши.

МАРК. До свидания, Ольга Сергеевна.

ОС. Прощай, Марик.

Марк уходит.

На кухне сидят ОС и Наташа.

ОС (устало). Наташа, спасибо тебе... Откуда ты знаешь?

НАТАША. У моего дядьки была эпилепсия. Гуси в детстве напугали. Он в сорок три умер, упал, и о косяк ударился.

ОС. Типун тебе на язык. А у Андрея в 98-м случилось. После дефолта, у него долги были в долларах, его избили. Ужасное время. Алексей Владимирович тогда деньги в акции вложил этого, Хопер-инвест, отличная компания. Все пропало. Андрей институт бросил, тянули мы его тянули, все равно бросил, потом вот это началось. Потом девушка его бросила, все одно к одному.

НАТАША. Да вы не волнуйтесь так, могло бы и хуже быть. У нас был случай, тоже пацана избили, по голове, он потом слабоумным стал, слюни пускал. А еще случай был, у нас в интернате: из окна выкинули парня, в карты проиграл, так он ходить потом не мог, его в дом инвалидов отправили. Зато выжил.

ОС. Умеешь ты утешить. (Пауза.) Я тут думала, думала и решила, надо тебе регистрацию сделать.

НАТАША. Здесь, что ли?

ОС (вяло острит). Нет, у соседей.

НАТАША. Ой, вы шутите?

ОС. Мне не до шуток, милая. Но деваться некуда. Ладно, давай спать.

СЦЕНА 13

Лето. Наташа одна в квартире, смотрит телевизор. Входит Андрей, он сумрачный. Наташа поспешно выключает телевизор.

АНДРЕЙ. Да ничего, смотри, смотри. Что смотришь?

НАТАША. Да так, просто смотрю, чтоб не думать. А чего с дачи вернулся?

АНДРЕЙ. Пришлось (*достаёт из холодильника виски, наливает, шарит в морозилке*)
Льда нет.

НАТАША. Так я не знала, что ты приедешь.

АНДРЕЙ. Ничего, я и так выпью.

НАТАША. Случилось что? Какой-то ты убитый прям.

АНДРЕЙ (улыбается). Да, это ты точно сформулировала. Тяжело мне, Наташа. Тяжело жить. И вообще.

НАТАША. А кому легко?

АНДРЕЙ. Не знаю. Есть такие, кому легко. Это, наверное, странно слышать тебе, но я совершенно не могу, мне плохо от всех этих деловых отношений, с какими-то людьми вести дела. Я вижу прекрасно, что меня нахлобучивают, вот прямо вижу, все понимаю и ничего не могу сделать. Машка говорит, у меня абулия.

НАТАША (*смотрит на него с сомнением*). Не похож вроде.

АНДРЕЙ. А кто похож?

НАТАША. Был бы ты толстый или бегал бы блевать после каждого обеда, извиняюсь, я бы заметила.

Андрей непонимающе смотрит на Наташу, потом начинает смеяться.

АНДРЕЙ. Ахаха... Ты про булимию.

НАТАША. Точно! А ты чего сказал?

АНДРЕЙ. А-бу-ли-я! Это атрофия воли. Я поэтому не смог закончить ВГИК. И не могу ничего довести до конца. (пьет виски)

Наташа вдруг снимает фартук, берет стакан, садится напротив.

НАТАША. Ладно, плесни мне чутка.

Андрей наливает ей с удивлением. Она спокойно пьет.

НАТАША. Дауд тебя достал? Рассказывай.

АНДРЕЙ. Удивительно (*смотрит на нее другими глазами*).

НАТАША. Рассказывай давай. Чего на меня смотреть?

АНДРЕЙ. Мне вдруг легко стало, хотя я еще ничего не рассказал.

НАТАША. А расскажешь, еще легче станет.

АНДРЕЙ. В общем он хочет квартиру выкупить за меньшие деньги, и начал шантажировать. Я уже даже стал внутренне соглашаться. Он так убедителен. Говорит, зачем тебе недвижимость, положи деньги в банк и живи на проценты.

НАТАША. Без налогов сдаешь?

Андрей вздыхает, разводит руками.

НАТАША. Ясно. (пауза) Я с ним поговорю. Хочешь?

АНДРЕЙ. А ты не боишься? Понимаешь, он ведь откуда-то оттуда, он мафиози какой-то строительный, и он знает законы, он юрист. Я уже его боюсь.

НАТАША. Я с ним так поговорю, что он через три дня съедет. Хочешь?

АНДРЕЙ. И опять придется искать жильцов. Ужас.

НАТАША. Да найду я тебе жильцов. Только надо договорчик заключать на 11 месяцев, чтобы себя обезопасить и от налоговой и от таких типков.

АНДРЕЙ. Наташа, Наташа... Ты меня спасла. Просто спасла (хочет ее приобнять). Можно?

НАТАША (отстраняется). А как же Аня?

АНДРЕЙ. Аня это совсем другое, это от скуки.

НАТАША. А со мной не скучно?

АНДРЕЙ. С тобой не соскучишься. Ты мне нравишься. Очень. Очень-очень.

НАТАША. Запасной аэродром?

АНДРЕЙ. Ну что ты. Мне хорошо с тобой, легко, спокойно. Я бы хотел, чтобы ты все время здесь жила. Давай завтра пойдем в ЗАГС? (*целует Наташу, начинает ее поглаживать, она уже не отстраняется*).

НАТАША. Ты уже мне делал предложение.

АНДРЕЙ. Когда?

НАТАША. Когда мы дачу регистрировали. А потом забыл. Щас так же?

АНДРЕЙ. Нет, нет, Наташа, сейчас не забуду. Завтра же пойдем.

СЦЕНА 14

Квартира Кирилловых.

ОС. Пока Аня с Костиком в отпуске, она его по-моему в оборот взяла.

МАША. Кто?

ОС. Кто, кто, Наташа твоя.

МАША. Она не моя, мам. Ну а что тебя беспокоит? Может, это к лучшему.

ОС. Не понимаю, почему у него такой ужасный вкус. Помнишь, на даче, ему тогда 16 было, влюбился в эту то ли Зину, то ли Люду.

МАША. Лену Манагарову.

ОС. Лену, да.

МАША. Она красивая была. Натуральная блондинка.

ОС. И эта деревня разбила ему сердце.

МАША. Мам, в таком возрасте все сердца разбиваются.

ОС. Нет, не все. Всегда есть тот, кто разбивает и кому разбивают. И Андрюша, к сожалению, из второй категории.

МАША. Ну почему из второй, может быть, из первой.

ОС. Я же сказала он из тех, кому разбивают.

МАША. Я имела в виду, что ты о нем говоришь, как о яйцах – первая категория, вторая категория. Может, те, кто страдает, они высшей категории.

ОС. Ты себя слушала когда-нибудь, психолог?

МАША. Я именно как психолог это и говорю.

ОС. Я уже жалею, что дала тогда слабинку и прописала ее.

МАША. Во-первых, не прописала, а зарегистрировала. Во-вторых, она нашла все-таки работу. В-третьих, ты сама говорила, что рада, что она присматривает за Андреем.

ОС. А ты так рассуждаешь, баба с возу кобыле легче. Он тебе брат все-таки!

МАША. Мама, он вполне может позаботиться о себе сам, он взрослый мужчина и не инвалид.

ОС. Как раз инвалид.

МАША. Ну я имела в виду... в переносном смысле. Даже Достоевский был эпилептик и это не мешало ему...

ОС. Андрюшенька, к сожалению, далеко не Достоевский. Вот зачем он учился на сценариста? Ни одного сценария не закончил ведь. А ты ему помочь не хочешь.

МАША. Дурацкий разговор. Я помогаю чем могу, но контролировать его я не хочу и тебе не советую. То отец всех контролировал, теперь ты хочешь, чтобы я взяла на себя роль диктатора. Но я не хочу, это совершенно не моя роль.

ОС. Как ты говоришь об отце.

МАША. А что, это не так? Он же диктатор был. Все по половицам ходили. Я боялась вдруг позвать на день рождения, Андрей стал пропадать и вот итог.

ОС. Ты не права, Маша. (начинает плакать) Отец всех любил, обо всех заботился, мы были за ним как за каменной стеной. Мы с ним сорок три года, душа в душу.

МАША. Mam, а как же Лида из ателье на Кузнецком?

ОС. Это была моя ошибка. Он мне говорил, что я пожалею, но я тогда гордая была. И я все равно его любила, хоть и постелила ему в кабинете. Я его отпустила и поэтому он не ушел.

МАША. Нет, мам, так не отпускают.

ОС. Ты вот что, ты копайся там в своих психах, а меня анализировать не надо. Разберись в своей жизни.

МАША. С тобой невозможно разговаривать, ты в броне.

ОС. Какая есть.

Пауза.

МАША. Мама.

ОС. Что?

Пауза.

ОС. Ну что?

МАША. Так. Ничего.

Раздается звонок сотового.

ОС. Это чей телефон?

МАША. Андрея. Он забыл свой телефон.

ОС. Посмотри, кто ему звонит.

МАША. Зачем?

ОС. Ну ему надо сказать.

МАША. Он сам посмотрит. Там остается не отвеченный вызов.

Входят Андрей и Наташа.

НАТАША. Чаевничаете?

ОС. Ну как спектакль?

НАТАША. Мне понравилось, там артисты известные, я их фамилий не помню, я по сериалам их вспомнила, про ментов, «Фонари на разбитых улицах».

МАША. Андрей, ты же терпеть не можешь русские сериалы.

АНДРЕЙ. Мы же смотрели не сериал, а спектакль.

МАША. Ты говорил, что терпеть не можешь театр из-за фальши.

АНДРЕЙ. Я раньше не ходил в театр, вернее ходил в школе, в центральный детский на какие-то советские пьесы про войну, это было ужасно.

НАТАША. Да нет, постановка прикольная. Чехова пьеса, забыла, как называется.

АНДРЕЙ. «Три сестры».

НАТАША. Не, там как-то по-другому.

АНДРЕЙ. Это пьеса так называется, а я про постановку.

НАТАША. И я про постановку. Они название поменяли.

АНДРЕЙ. Посмотри в программке.

НАТАША. Так она у тебя.

АНДРЕЙ. Нет, я тебе отдавал.

НАТАША. А потом я в тубзик когда пошла, я опять тебе дала.

АНДРЕЙ. Может, хватит уже – тубзик, тубзик, как будто в пятом классе.

НАТАША. Ну и что, я зато не матерюсь, как твой Марк, и кличек дурацких не сочиняю.

Раздается звонок сотового Андрея.

АНДРЕЙ. Я же телефон дома оставил. Думал, что потерял.

Уходит в свою комнату.

ОС. Это Аня, наверное.

НАТАША. Они прилетели сегодня. Встретили их встретили. Аня загорела и, по-моему, располнела.

ОС. Она никогда не полнела раньше. Может, наконец, забеременела?

НАТАША. А что, у них проблемы?

ОС. Ну я их не расспрашивала, просто живут уже пять лет, а детей нет. И вроде они хотят ребенка, да, Маш, она с тобой делилась?

МАША. Она говорила, что проблемы какие-то у Кости, вроде он лечится. Это их дело.

Возвращается Андрей.

АНДРЕЙ. Mam, я выйду за сигаретами, ничего не нужно?

ОС. Не знаю. Наташ, ты вроде приготовить что-то хотела?

НАТАША (*с раздражением убирает пепельницу с окурками*). Опять окурки, сколько раз говорила: выбрасывайте в банку. Сигареты твои в прихожей.

АНДРЕЙ. Да? Тогда в аптеку все равно надо, у меня левитерацетам закончился.

НАТАША. Ты же говорил, что рецепт нужен.

АНДРЕЙ. Он еще действует неделю.

Андрей Уходит. Маша загружает посуду в посудомоечную машину.

НАТАША. Сварю-ка я сегодня борщ. (лезет в холодильник) Ой, а свеклы-то (*ставит ударение на последний слог*) нет.

ОС. Свёклы.

НАТАША. Да какая разница.

МАША. Действительно, мам.

ОС. Это старшая произносительная московская норма. Извините, меня коробит от неправильной речи, как музыканта с абсолютным слухом, коробит от фальшивой музыки.

НАТАША. А что, только в Москве правильная?

ОС. Да, деточка, только в Москве. Так уж повелось. Московская речь это и есть норма.

МАША. Мам, норма меняется, Москва это плавильный котел.

НАТАША. А че такая несправедливость, всё Москва, Москва? Все эти ваши поправки не твОрог, а твОрОг, не звОнит, а звонИт, а я, может, так привыкла, мне так комфортно?

ОС. Наташенька, ты не спорь, а учись, пока я жива. Потом спасибо скажешь.

НАТАША. А я не буду ждать. Сейчас скажу. Спасибо вам, Ольга Сергеевна! (кланяется и уходит)

Маша и ОС остаются одни.

ОС. Что это за эпатаж?

МАША. Мам, ты прости, но это выглядит как снобизм. Надо быть терпимее. Ты же сама была рада, что она внесла в наш дом какую-то жизнь.

ОС. Жизнь есть постоянный обмен веществ. Папа твой любил повторять это определение Энгельса.

МАША. ... что она энергичная, умеет решать проблемы.

ОС. Но мне всегда казалось, что сводить жизнь к биологии и химии неправильно. (пауза) Меня пугает будущее Андрея. Никому он не нужен, кроме меня.

МАША. Мама, не драматизируй. Все наладится. Помнишь, ты рассказывала, как дядя Лёня после смерти тети Нины женился на домработнице, как вы все в ужасе были, а потом ничего, пообтесалась.

ОС. Да, на Тетериной Лёня женился, так мы ее и звали Тетерина. Хотя она давно стала Титова. Но для нас она так и осталась Тетерина. (задумалась) Представляешь, имени ее даже не помню.

СЦЕНА 15

Натasha в магазине «Азбука вкуса» выбирает продукты. Встречает Костю.

КОСТЯ. Привет, соседка!

НАТАША. Привет, привет! Какая я соседка, так, на птичьих правах у ваших соседей.

КОСТЯ. Но дело движется?

НАТАША. Какое дело?

КОСТЯ. Ольга Сергеевна у меня спрашивала совета насчет вашей регистрации. Я ее успокоил.

НАТАША. Спасибо. Зарегила.

КОСТЯ. Да не за что. (пауза) Продукты покупаете?

НАТАША. Да борщ хотела им сварить, а то едят всухомятку. Я так не могу.

КОСТЯ. А я тоже всухомятку.

НАТАША. А что же, Аня ваша не варит вам суп?

КОСТЯ. Да вот не варит. Раньше варила. А сейчас не варит.

НАТАША. А вы к нам заходите, когда я борщ сварю.

КОСТЯ. Вы меня приглашаете?

НАТАША. А что тут такого. Андрей к вам заходит, и вы заходите.

КОСТЯ. Андрей заходит?

НАТАША. Ой, вечно я не то ляпну. Он заходил с компьютером там что-то.

КОСТЯ. А, ну да, с компьютером.

НАТАША. Было-то пару раз.

КОСТЯ. Пару раз, значит. Да, да, я его сам просил. Он головастый.

НАТАША. Ой, а я уж испугалась, что влезла не в свои дела.

КОСТЯ. Да, что вы, Наташа, вы симпатичный человек. Повезло Андрею. Вы его берегите.

НАТАША. Да что вы. Я съеду от них. Мне оно не надо, я им не кухарка.

КОСТЯ. Понимаю. Сам не москвич. Но знаете, они ведь тоже не графья. Дедушка Андрея был в одной системе с дедом Ани.

НАТАША. Он же вроде этот был, из военных. Во Фрунзенской преподавал.

КОСТЯ. Это отец его преподавал. А дед его в 37-м входил в состав тройки НКВД в Ростовской области.

НАТАША. В Ростовской? У меня бабушка оттуда, ее отца как раз в 37-м расстреляли, он был казаком.

КОСТЯ. Так что вы поуверенней там с ними.

НАТАША. Так ведь сын за отца не в ответе. А мне их даже жалко. Они как дети, вожусь с ними.

КОСТЯ. Добрая вы душа. Я даже завидую Андрею.

Наташа молчит и улыбается.

НАТАША. Приходите на борщ. С Аней приходите. Она какая-то грустная. Хорошо отдохнули?

КОСТЯ. Да, хорошо.

СЦЕНА 16

Квартира Кирилловых. Звонок. Ольга Сергеевна открывает дверь. Заходит Костик с собакой.

ОС. Костик, что с тобой? На тебе лица нет.

КОСТЯ. Аня умерла.

ОС. Как умерла? Когда? Костя, да что случилось?

КОСТЯ. Сказали, сердечная недостаточность. Ничто не предвещало. Мы с ней сидели сериал смотрели и вдруг она закашлялась, потом говорит «жжет», я думал желудок, а потом слышу она хрипит, я скорую вызвал. Они ее тут же в больницу. Там кардиостимулятор поставили. Но все равно отек легких. Я просто в шоке, Ольга Сергеевна.

ОС. Она же молодая совсем. Я ее помню еще маленькой, когда они к дедушке приезжали, к Валентину Петровичу. Ой, горе-то какое!

КОСТЯ. Можно я у вас посижу, не могу в квартире находиться.

ОС. Конечно, Костенька. Можешь даже переночевать.

КОСТЯ. Нет, нет. Спасибо. Я немного посижу и поеду. На три дня отпуск взял, к матери поеду в Волгодонск.

ОС. Как же теперь Андрею-то сказать? Они дружили.

КОСТЯ. Андрея нет?

ОС. А они с Наташей в ЗАГС пошли.

КОСТЯ. В ЗАГС? Быстро.

ОС. Вот так у них все сложилось. Андрей доволен и я рада за него. Я тоже не вечная.

КОСТЯ. Ольга Сергеевна, да вы нас всех переживете. Видите, вот Аньки не стало. Любил я ее, она меня не очень, а я любил.

ОС. Когда похороны?

КОСТЯ. Послезавтра. Вы тогда передайте своим. Аня к Андрею хорошо относилась.

ОС. Ох. Держись, Костенька. Год какой тяжелый.

КОСТЯ. Спасибо, Ольга Сергеевна. У меня к вам просьба: возьмите Клуни, а то мне придется его усыпить.

ОС. Да ты что, Костя! Почему? Он болеет?

КОСТЯ. Просто я не могу иметь собаку, это Анькина была прихоть. А меня часто дома нет неделями. Она же вас замучает воем своим. (пауза) Хотя бы на пару дней. Просто подумайте. Я тогда ее в приют отдам, что ли.

ОС. Ну вот приют это уже лучше.

КОСТЯ. Я бы не сказал. Уж лучше сдохнуть, чем в таких приютах жить. Там жесьь, Ольга Сергеевна.

ОС. Ну, хорошо, оставляй Клуни. Посмотрим.

КОСТЯ. Спасибо.

Уходит.

ОС (вслед). Ты заходи почаще.

СЦЕНА 17

АНДРЕЙ, МАРК И ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА играют в преферанс. Здесь неважно, кому принадлежат большая часть реплик.

- Или ты купил короля?

-Да, как-то Аня так внезапно умерла, такая молодая...

- Купил короля и туза. К четырем вонючим...

- К вошам...

-Мам, не надо об этом, об Ане.

- Прости, прости, дорогой. Ну я объявляю мизер.
- Пора выдавать прикуп? Вы можете перебить мизер?
- Только десятерной.
- Я пас.
- Пас.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Великолепно! Клуни, не мешай!

- Подожди. При мизере не показывают прикуп!
- Показывают! Как это не показывают! Две бубны. Валет и десять.
- Может, как раз дырки закроешь!
- Вы втемную играете?
- Нет, ничего не втемную. Ходи. Щас мы «ляжем» и посмотрим, что у нас есть.
- Запиши. У него 7 и 8.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Волшебно! Его надо покормить. (кричит) Наташа! Он нас замучил, этот твой Клуни.

- Это в трефах у него... А в бубнах валет...
- И семерка!
- Король!
- Дама, валет!
- Туз! Какой-то. А в червях у него две карты, которые... 8 и 9. А в трефах-то у него что? да, валет! Так!
- Что он снес?
- Вальта трефового.
- А кто ходит-то?
- Ты ходишь, мам!

Входит Наташа с чайным подносом.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташа, собачка постоянно вертится вокруг нашего стола. Ты ему со стола, что ли даешь?

НАТАША. Ну а че, жалко? Остается же.

ОС. С собаками так нельзя, дорогая. Не хочешь четвертой?

НАТАША. Ой, да я не умею.

МАРК. Наташа, стойте так с чайником, постойте еще, я вас запомню. Какое освещение, а?

НАТАША. Не буду я вам позировать, вы злой (разливает чай).

АНДРЕЙ. Браво, Наташа.

МАРК. Я? Злой?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Мы тебя научим играть. Или можем сначала в кинга.

НАТАША. Кинга? Это тоже карты?

МАРК. Это лайтовая версия преферанса. Такой, ээээ, бабский преферанс.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. И ничего не бабский, тоже надо шевелить извилинами.

НАТАША. Я в карты только в интернате играла.

МАРК. И во что вы там играли, в очко?

НАТАША. Почему в очко. В три листика.

АНДРЕЙ. Это же сикка, помнишь, Марик, мы как-то с местными на даче в сикку играли? Кончилось все дракой. Страшная игра. На деньги.

МАРК. Хочешь играть в сикку, иди посикай.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как же любил наш папа играть в покер, в преферанс. Он говорил: преферанс приравнивается к шахматам. А бридж! Помнишь, Андрюш, как у Елизаветы Львовны мы играли в бридж. Волшебное!

НАТАША. Я так давно в карты не играла, даже не помню.

АНДРЕЙ. А давайте в девятку? Помнишь, Марик, как мы в Вороново играли, в лагере?

МАРК. Ну, это совсем для дебилов, детсадовская игра.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А мой папа, Сергей Константинович обожал девятку. Он называл это коллективным пасьянсом. Сядем, бывало, все за круглым столом, из буфета достанем наливок разных, моя няня, Тоня, мастерица была их делать.

МАРК. А кстати, хорошая идея, Ольга Сергеевна. Может, вина или коньячку?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Хересу! Только чуть-чуть. Так, Наташенька, не в службу, а в дружбу, принеси-ка из моих запасов хересу, в нижнем ящике комода.

МАРК. Ольга Сергеевна, и вы молчали!

ОС. Только вы ничего не слышали!

Наташа уходит.

АНДРЕЙ (встает). Пойду помогу.

Выходит.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Распомогался. Марик, по-моему, ты смущаешь Наташу.

МАРК. То есть, вы хотите сказать, что она способна смущаться?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ну вот опять. И за что ты так ее невзлюбил?

МАРК. Ольга Сергеевна, если уж вы меня спрашиваете, то как бы вам сказать, вот я как художник-анималист вам скажу, я обычно людей не пишу, вы знаете. Это мой принцип, только животных, не потому что не умею, а не хочу. А вот ее написал бы. Есть в ней что-то...

Наташа и Андрей возвращаются с хересом и легкой закуской (сыр, фрукты).

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташенька, достань там из горки бокалы. (Наташа берет первые попавшиеся бокалы.) Нет, нет, не эти, там сзади, специальные для хереса. Продолговатые такие. Нет, эти для шампанского. (чуть раздраженно) Андрей, помоги (от неловкого движения один бокал падает и разбивается). Ну вот, хочешь сделать все правильно, делай сама. Что вы там разбили?

АНДРЕЙ. Это я разбил, мам.

НАТАША. Не надо меня выгораживать. Ольга Сергеевна, это я разбила. Зеленый такой на толстой ножке.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Это же мне тетя Лика подарила, из Германии, когда они вернулись в 57-м. Ой, как жалко, я его обожала.

НАТАША (убирает осколки). Я такие на блошиных рынках видела, я вам возьму.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты еще с помойки мне принеси бокалы. Андрей там пылесос из кладовки, то есть в Клавиной комнате, то есть в Наташиной комнате, надо осколки только пылесосом.

АНДРЕЙ. Там черт ногу сломит.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. У меня всё рука не поднимается разобрать папины черновики, конспекты.

АНДРЕЙ. Да кому они сейчас нужны? Это надо выбросить.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты что! Даже не думай. Вот я умру, делай что хочешь. Надо на дачу перевезти.

НАТАША. На даче хлама и так полно.

ОС. Для тебя хлам, а для меня память.

Пока они спорят, Наташа выходит с осколками и возвращается с пылесосом, начинает пылесосить. Шум прерывает спор.

СЦЕНА 18

Наконец закончилась суэта вокруг разбитого бокала, херес разлит по бокалам и Наташа присоединилась к игре в девятку.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. У кого бубновая девятка?

НАТАША. Ой. У меня.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Значит, ты ходишь.

Наташа выкладывает бубновую девятку. Дальше все по кругу выкладывают свои карты: или к масти или другие девятки, доходит очередь до Наташи.

Наташа не долго думая подкладывает к чьей-то десятке короля или к десятке пик бубнового валета.

АНДРЕЙ. Нет! Так нельзя ходить!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наверное, мы плохо объяснили. Ты можешь подкладывать только свои масти, во-первых, и только соблюдая очередность: к девятке можно подложить в эту сторону десятку, а в ту сторону восьмерку. Поняла?

НАТАША (кивает и улыбается). Угу.

Когда доходит очередь до нее (а она сидит перед Марком), она опять кладет карту неправильно.

МАРК (бросает карты). Ты что, издеваешься?

НАТАША. Почему?

АНДРЕЙ. Мар!

МАРК. Да что «Мар», «Мар». Она же нарочно это делает. Ты, правда, не понимаешь или тебе нравится доводить людей?

У Наташи трясется подбородок, она начинает плакать, закрывается картами, у нее жалкий и обиженный вид. Она бросает карты и уходит.

АНДРЕЙ. Ну и мудака же ты, Мар.

Выходит вслед за ней. Ольга Сергеевна и Марк сидят какое-то время молча.

МАРК. Я, наверное, пойду.

ОС. Ты же Машу хотел дождаться.

МАРК. Извините, Ольга Сергеевна. Я что-то с катушек слетел.

Встает.

Я же забыл совсем, мне с дилером надо сегодня встретиться. По картинам. С Борей, вы его знаете. Он вам помог хорошо Васнецова продать. Маше передайте, что я к Боре поехал.

Марк уходит.

СЦЕНА 19

Прошло две недели. Дача Кирилловых. В саду. Маша и Марк сидят в беседке.

МАША. Ты его так и не поздравил.

МАРК. Я не люблю ритуалы. Ее ведь нет?

МАША. Она, кстати, не обижается давно. Спрашивала, а чего Марк не заходит.

МАРК. Я уверен, она что-то с его телефоном нахимичила. Я не могу ему дозвониться. (пауза) Она меня забанила, точно!

МАША. Это паранойя, Мар.

МАРК. А фейсбуком он не пользуется. Завел аккаунт и не заходит туда. Скажи ты ему, чтобы он его открывал. Вотсап еще есть, Телеграм.

МАША. Да не пользуется он соцсетями. (пауза) Давно бы извинился. Это глупо в конце концов.

МАРК. Глупо было жениться на ней.

К беседке подходит Наташа. Прислушивается.

МАША. Это социальный расизм, Мар. Нельзя ненавидеть людей, если они по-другому говорят и из другого социального круга.

МАРК. Да при чем здесь говор. Говорить и ворону можно научить. Провинциальность понятие не географическое, а моральное, что ли, это состояние души. У меня среди клиентов и знакомых и москвичей-то практически нет. Но провинциалы из них не все. И среди москвичей есть чудовищные провинциалы. Она, кстати, лучше стала говорить. (пауза) Она же паразитирует, разве вы не видите?

Пауза.

МАША. Почему паразитирует? Она на работу устроилась. И дома никогда не сидит без дела, мама довольна.

МАРК. Домработница вышла бы дешевле.

МАША. Как ты думаешь, Марик, что такое любовь?

МАРК. Опять это слово. Машенька, так называемая любовь это просто инстинкт размножения.

МАША. Я много думала: вот что такое любовь, как ее определить. То мы зависимость принимаем за любовь, или просто сексуальное влечение. А любовь это совсем другое, я поняла.

МАРК. Как женщины любят пафос, высокий стиль. Театрально это, бутафория.

МАША. Так вот, любовь - это спасение. Два человека могут быть из разных миров, но они встретились, чтобы спасти друг друга. На этом стоит мир.

МАРК. Не могу слушать эту твою романтическую чушь. Во время пожара крестьяне тоже дойную корову спасают и всяких там свиней, кур.

МАША. Я вижу, как он после женитьбы изменился. У него появился интерес к жизни, он опять стал писать, я видела. Они все время куда-то ходят вместе.

МАРК. Куда они ходят-то, Господи! На день города, на Стаса Михайлова, на концерт сельскохозяйственного работника?

МАША. Ну какие ей билеты в ее детском саду дают, туда они и ходят. А недавно на Саврасова сходили в Третьяковку.

МАРК. Молодцы какие. На Шишкина бы еще сходили.

МАША. Он сто лет никуда не ходил.

МАРК. Она теперь в детском саду работает?

МАША. Да, сразу устроилась, кстати, после регистрации. И видно, как она любит детей. Она только о них и говорит, в телефоне нам их показывает, они такие забавные...

МАРК. Ужас. Ненавижу детей. Они такие... физиологичные. Где дети, там грязь.

Пауза.

МАША. Марк.

МАРК. Что?

МАША. Я как раз хотела поговорить насчет детей.

Пауза.

МАРК. Опять? Ты же знаешь мою позицию.

МАША. У меня была в прошлом месяце задержка.

МАРК. Ты же говорила, так бывает, гормональный сбой из-за таблеток.

МАША. Это не гормональный сбой. Тест положительный.

МАРК. Нет, нет, нет! Мы же договорились.

МАША. Да, Марк, да. Я хочу на этот раз оставить.

МАРК. Ты не имеешь права так делать. Это эгоизм. Ты не понимаешь, что такое ребенок. Ты знаешь, у меня и так алименты.

МАША. Я тебя не буду ни о чем просить.

МАРК. Вы все так говорите: «мне ничего от тебя не надо, не буду просить». А потом жените, как эта ваша Наташа, и продыху не даете.

МАША. Ты гнусности сейчас говоришь.

МАРК. А ты делаешь гнусности.

МАША. Ладно, считай, что этого разговора не было.

МАРК. Нет, голубушка. Этот разговор случился, и я настаиваю, чтобы ты сделала то, что должна сделать.

МАША. А что я должна сделать?

МАРК. Ты знаешь, как это называется. Прошло еще мало времени. (Маша сидит опустошенная.) Мало времени ведь прошло? (Марк меняет тактику.) Ну, Маша, ты же сама понимаешь, что нам не нужен сейчас этот ребенок.

МАША. Мне нужен.

МАРК. Я уже прошел через это. У нас, можно сказать, из-за этого развалился брак.

МАША. Значит, брак был говно.

МАРК. А вот это ты зря сейчас сказала. (пауза)

МАША. Извини.

МАРК. Это плохо для ребенка, когда он нежеланный. Ты сама это прекрасно знаешь. Такой ребенок несет все грехи семьи. Как мой дядя. Он был нежеланный, родился в 39-м, когда аборт был запрещен. И в итоге это была не жизнь, а кошмар. Шизофрения и смерть в психушке. Бабушка говорила, что не хотела рожать Лёню, поэтому он всю жизнь маялся. Но вы, бабы, не понимаете этих тонких вещей, вы думаете маткой, а не головой.

МАША. Все сказал?

МАРК. Нет, не все. Я уйду от тебя, если ты родишь этого ребенка. И я его никогда не признаю, хоть днк-тест делай.

МАША. Уходи.

Пауза.

МАРК. Ты потом пожалеешь.

Не уходит. Появляется Наташа.

НАТАША. Вот вы где? А мы вас ждем чай пить.

МАРК. Мне пора. Маша, ты не хочешь меня проводить?

НАТАША. Ой, а накурили-то как! Маш, я сколько раз просила окурки в банку складывать и крышку закрывать, у меня же токсикоз (*выбрасывает окурки*).

МАРК. Токсикоз? Синхронизировались, однако.

НАТАША. А может, останетесь, Марк? Мы на вас рассчитывали.

МАРК. А я не рассчитывал.

НАТАША. Я вам и постель уже постелила наверху. Там, правда, душновато, но можно вентилятор включить и окно второе открыть.

МАРК. Я с Андреем попрощаюсь тогда.

Уходит.

НАТАША. Чего это он? Поссорились?

Пауза.

МАША (словно очнувшись). Что?

НАТАША. Извини, я опять не вовремя, наверное, влезла. Помешала вам?

МАША. Нет, нет. Все в порядке. Даже вовремя.

НАТАША. Да ты не расстраивайся. Я вот не обижаюсь, хотя он сейчас со мной как с пустым местом.

МАША. Я не расстраиваюсь. Он хам.

НАТАША. Там диванчик у тебя совсем маленький. Как вы там оба помещались? Я говорила Андрею раскладушку тогда из сарая притащить, но его ведь не допросишься.

МАША. Если бы Марк остался, я бы нашла ему место.

Встает, уходит. Прибегает Наташина собака Клуни.

НАТАША. И вообще, они только пьют, когда вместе. А Андрею нельзя пить. (кричит Андрею) Андрей, по-моему, у Клуни глаз один закрывается. Андрей, иди сюда, посмотри, что у него с глазом. Андрей!

СЦЕНА 20

Квартира Кирилловых. Маша приходит с вещами. ОС накрывает на стол.

ОС. Машенька, как я рада, что ты смогла прийти.

МАША. У меня сегодня сеанс отменился.

ОС. Ну и хорошо. Я не хотела тебе сообщать по телефону.

МАША. А что случилось-то?

ОС. Не случилось, а свершилось!

МАША. Mam, ты можешь как-то с меньшей торжественностью сообщать новости?

ОС. О такой новости только в превосходных степенях можно сообщать. В общем Бог услышал мои молитвы и род Кирилловых не прервется.

МАША. Для меня это не новость.

ОС. Как? ты знала и молчала?

МАША. Я случайно узнала, что у Наташи токсикоз. Я думала, ты в курсе.

ОС. Как же мы все разобщены! Разве это нормально? Так и умрешь, не зная, что у тебя внуки родятся.

МАША. Знаешь, мам, я тебе тоже хотела кое-что сообщить. (ей трудно говорить) В общем я тоже. И тоже в июле узнала.

ОС. Что? Как? Подожди! Боже мой. Но ты же ушла от Марка!

МАША. Я ушла, потому что он не хочет ребенка. И не только из-за этого.

ОС. Машенька, как же так...

МАША. Mam, ты совсем не рада?

ОС. Рада в каком смысле? Ты меня ошарашила. Ты уходишь от мужчины и объявляешь о беременности. Это как-то противоестественно.

МАША. Спасибо, мама.

ОС. Маша, ну что ж ты обижаешься. Я понимаю твоё состояние. У меня с твоим папой тоже было все непросто. Ты знаешь, я тебе рассказывала. Но я ради вас с Андреем, ради

семьи решила нести свой крест. И когда у него появилась та аспирантка я ему отказала в постели, отправила его спать в кабинет, но разводиться не стала. И поставила ему ультиматум. И ты знаешь, это возымело действие, возымело. Это увлечение закончилось.

МАША. Но больше вы с отцом не спали. И он от этого не шибко страдал.

ОС. Ты ничего не понимаешь. Мы духовно сблизились. И я его не держала никогда, я всегда говорила, что он может уходить. А он выбрал семью.

МАША. Квартиру он эту выбрал на Тверской. А с Кирой или, как там ее звали, Олесей, он продолжал встречаться.

ОС. Неправда! Я бы почувствовала. У него было достаточно денег, чтобы снимать квартиру. Значит, его увлечение было несерьезным, если не выдержало первого препятствия. Но я думала не о своем самолюбии, а о сохранении семьи. (пауза, другим тоном) А что, у Марка баба появилась? Ты должна за него бороться, ты не должна вот так легко отпустить...

МАША. Mam, я тебе сказала, почему я ушла. Ты слушаешь только себя. При чем здесь есть баба или нет бабы.

ОС. Я понимаю, он сложный человек, я не в восторге от ваших отношений, то сходитесь, то расходитесь, в наше время это называлось гостевой брак. Он пьет много, и характер у него тяжелый, и вечно у него какие-то метания. Но он же творческий человек. Он художник! Ты должна это понимать.

МАША. Мама, я тебе не для этого сказала.

ОС. А для чего? Чтобы я хлопала в ладоши от радости? Что моя дочь будет матерью-одиночкой?

МАША. Это уже давно не стигма.

ОС. Как ты себе это представляешь? Ты еще молодая. Тридцать два это не возраст. Вот у Наташи уже возраст, тридцать восемь - это очень критичный возраст. Как мы будем здесь все жить, да еще с детьми.

МАША. Мама, мне некуда уходить. Вы же сдаете бабушкину квартиру.

ОС. И сейчас тем более это подспорье будет. Я не представляю, как бы мы жили без этой квартиры. Ты предлагаешь нас по миру пустить. Наташа не так много зарабатывает.

МАША. А Андрей не пробовал работать? Он же зачем-то учился на сценариста.

ОС. Ты прекрасно знаешь, он не может писать всю эту халтуру, он давно пишет сценарий о войне. Он давал мне читать отрывки. Это потрясающий сценарий, волшебный! Но его вряд ли кто-нибудь здесь поставит. И там такой сложный материал, столько нужно исследований.

МАША. Мама, он ни один сценарий дописать не может.

ОС. У твоего брата эпилепсия. Ты забыла?

МАША. У него эпилепсия и поэтому ему можно, у меня нет эпилепсии, и поэтому мне нельзя!

ОС. Маша, Маша! Перестань ёрничать! У него приобретенная эпилепсия. Ты меня пугаешь. (пауза) Ой, у меня что-то с головой. Как будто это уже было или это продолжение сна, или я не знаю что...

Маша с тревогой смотрит на мать. Берет ее за руку, щупает пульс.

МАША. Ладно, не волнуйся так, мам. Нет никакой беременности. Я пошутила.

ОС. Ну и шутки у тебя.

СЦЕНА 21

Квартира Кирилловых. Раздается звонок в дверь. Наташа открывает.

МАРК. Я бы хотел с Андреем поговорить.

НАТАША. Тебе не стыдно, Марк, сюда приходить?

МАРК. Что?!

НАТАША. Ты понимаешь, что ты его чуть не угробил. Этот образ жизни не для него. Ему совсем пить нельзя. А ты его нарочно спаиваешь.

МАРК. Я его друг... Мы с шести лет вместе...

НАТАША. Так друзья не поступают. Ты его не любишь, ты думаешь только о себе. А он о тебе спрашивал, почему не навещает.

МАРК. Вот я и пришел его навестить.

НАТАША. Сейчас-то, конечно, пришел, а в больницу не пришел.

МАРК. Я не знал, что он в больнице.

НАТАША. Не знал или не хотел знать?

МАРК. Я хочу его видеть, ты не имеешь права не пускать меня к нему.

НАТАША. Я его не запираю. Он сам не хочет. Он все понял. Дрюнь, выйди. К тебе пришли.

МАРК. Дрюня??

Наташа раскладывает приборы на обеденном столе по-своему: вилка, ложка и нож в конверте из салфетки справа, приговаривая (на выбор): «вилка плюс нож никуда не

уйдешь», «Куда иголочка туда и ниточка, где ножичек лежит, туда и вилка прибежит», «вилка с ножом - пожени ужа с ежом».

Выходит Андрей.

МАРК. Андрей, мы можем с тобой поговорить наедине. Пойдем отсюда.

НАТАША. Что значит «отсюда»? Это его квартира.

МАРК. Что-то не похоже.

АНДРЕЙ. Не надо так разговаривать, Марк, с моей женой. Наташа очень хорошая. Она заботливая, она меня спасает. Она меня любит.

Выходит Ольга Сергеевна.

МАРК. Ольга Сергеевна, что все это значит? Вы же видите, что происходит?

ОС. Марик, у Андрюши был сильный приступ, его пришлось отвезти в больницу. И ты ни разу его не навестил.

МАРК. Я не знал, Ольга Сергеевна... Она меня в его телефоне забанила.

НАТАША. Я тебя не банила. Можешь проверить. Андрей, посмотри в свой телефон.

ОС. Я не понимаю, о чем вы говорите. Бани какие-то. Но я думаю, это к лучшему, что ты не приходил к нему хотя бы в больницу. Ему совсем нельзя пить. Наташа не отходила от него...

АНДРЕЙ. Моя Наташа не отходила от меня в больнице. Я очень ей благодарен. Она любит меня.

МАРК. Вы что, меня не впустите? Ольга Сергеевна, Андрей, это я – ваш Марик. Помнишь, Юрдэн, как ты меня звал.

НАТАША. Мрак. Он звал тебя Мрак.

МАРК. Нет, ты звал меня по-другому, Юрдэн.

АНДРЕЙ. Мрак тебе больше подходит.

МАРК. Помнишь, как мы заблудились на кладбище? Помнишь, как в седьмом классе мы сожгли красные галстуки и хотели совершить переворот? Помнишь, как Алексей Владимирович ходил в школу и директриса сама ему чай приносила?

АНДРЕЙ. Смутно как-то.

МАРК. Да вы посмотрите, как она приборы раскладывает? Вилка и нож справа, как в детдоме.

НАТАША. Ты был в детдоме-то, знаток этикета?

Марк закуривает.

АНДРЕЙ. Разве? Не замечал. А какая разница? Так даже удобнее. Я ножом, если честно, не люблю пользоваться.

НАТАША. Хватит уже всех поучать. Посмотри в ютубе, там везде так кладут, конвертик называется.

МАРК. Ах, в ютубе, «конвертик». Юрдэн, Юрдэн.

НАТАША. Дурацкое прозвище. Как будто он казах какой.

МАРК. Сама ты... Юрдэн...

АНДРЕЙ. Марик, в самом деле, детство кончилось. Мне всегда не очень этот Юрдэн нравился.

МАРК. Ты же сам его придумал. Мы же... Ты все забыл. Мы ведь язык свой придумали.

А помнишь Григория Васильевича, физика? Как он по жребии к доске вызывал, а когда я сказал, что это антипедагогично, он назвал меня поганец: ах ты поганец. А когда Ермолина пожаловалась, что он ее за сиськи шупал, директриса сказала: не трогайте Григория Васильевича, он фронтовик! А помнишь, как он дал Трошиной эбонитовую палочку и тряпочку и сказал: натирайте, и как мы ржали, а он не понимал?

НАТАША. У нас курят только на балконе. Дрюнь, тебе пора пить лекарство.

АНДРЕЙ. Подожди.

НАТАША. Их надо строго по часам пить.

АНДРЕЙ. Мне надо идти, Мар. Извини.

Андрей уходит.

МАРК (вслед). Андрей, я хотел попрощаться. Я за Машей. Хочу предложить ей уехать со мной. Позовите Машу, черт возьми!

НАТАША. Ты? Уехать? Куда ты уедешь, до винного если только. Художник! ребятам о зверятах. Тебе только учебники по зоологии рисовать. А Машу оставь в покое. После такого, такой гнусности, что ты сотворил, она видеть тебя не хочет. Ей врачи сказали, что на такой поздней стадии она уже детей иметь не сможет. И тебе она этого никогда не простит. Да и мы все. Пошел вон.

Марк уходит. Выходит Маша и ОС.

ОС. Наташа, там Андрей, у него сейчас начнется.

НАТАША. Ну вот, я же говорила, одни только несчастья от этого друга.

(Убегает.)

МАША. Я спала и слышала голоса, это Марк приходил?

ОС. Разбудили тебя? Все не угомонится, приставучий какой, как банный лист.

МАША. Я спала, и сквозь сон слышала голос Марка, он даже встроился в мой сон, но даже когда поняла, не было сил подняться.

ОС. Ему Наташа так и сказала: Маша спит и видит сны... А он уже, раз с Андрюшей не получается, то про Машу вспомнил.

МАША. А что он хотел?

Наташа возвращается.

НАТАША. Уф, пронесло!

ОС. Что, это был не приступ?

НАТАША. Он ауру почувствовал, а я ему нашатыря под нос и ущипнула, дала просто валерьянки и уложила. Включила релакс, заснул под шум прибора.

МАША. Почему ты меня не позвала?

НАТАША. Кого?

МАША. Почему ты меня не позвала, когда Марк приходил?

НАТАША. Так ты же сама мне говорила, что хочешь забыть: везде забанила, в блэк лист номер, имейл в фильтр, чтобы ни одной лазейки...

ОС. Да, Муся, мы же думали, это тебя ранит. Ты же измучилась вся. А банит это что?

НАТАША. Это вроде как иди в баню?

МАША. Но человек же сам пришел. Кто тебя просил вмешиваться?

НАТАША. Знаете что, я вам тут не швейцар какой-нибудь, угадывать, когда можно, когда нельзя впускать. Сами разбирайтесь со своими бывшими. Пошла бы, душ холодный, что ль, приняла, поела бы, я такого борща наварила. Уж давно бы замирились, если б хотели. А то Наташа во всем виновата.

Наташа начинает плакать, бросает приборы в сердцах и уходит, приговаривая:

Делаешь, делаешь, стараешься, стараешься и всегда виновата, всегда ненависть.

ОС. Наташенька, не надо, ну Наташ. Мы тебя очень любим.

Ты не права, Муся, не права. Наташа не умеет читать твои мысли. Так нельзя. Ей тоже нелегко, после выкидыша.

МАША. Выкидыша? Ахаха, и у Наташи выкидыш, какое совпадение! Кармическая связь!

ОС. Ты что, с ума сошла? Как ты можешь так говорить об этом? Для меня это тоже трагедия, Андрюша расстроен.

МАША. Ах, да, род Кирилловых прервался. Ну ничего, попробуют еще раз.

ОС. Откуда в тебе такая жестокость?

МАША. Мама, хватит говорить как на лекции марксизма-ленинизма.

ОС. Я просто не понимаю, почему такой цинизм? Даже Наташа, которая воспитывалась в детдоме, более человечная.

МАША. Она человечна, потому что любит человечину.

ОС. Ты что пьяна от своих таблеток?

МАША. Да, чуток вина, как говорит ваша любимица.

ОС. Тебе же нельзя, ты ведь на антидепрессантах.

МАША. От них я начала толстеть.

ОС. В тебе говорит отчаяние. Я понимаю. Но тебе все же следует извиниться. Просто нужно уметь быть благодарной. Посмотри, как она старается: следит, чтобы Андрей не пил, ограждает его от Марка.

МАША. Марк его друг, мама.

ОС. Она ездила к нему в больницу, в отличие от вас с Марком. А Марк... ты знаешь, что Андрюше звонили коллекторы и сказали, что Марк вписал Андрея как поручителя. Он разнервничался и опять все приступом кончилось, тяжелейшим. Так друзья не поступают.

Пауза.

Маруня, ты думаешь вернуться к работе? Так же нельзя. И с жильем надо думать. Может, правда, как предлагает Наташа, разменять эту квартиру? Хотя мне, конечно, хотелось дожить свою жизнь в этих стенах.

МАША. Из-за меня не стоит идти на такие жертвы, мама. Я поживу на даче. Ведь ты не против?

ОС. Что ты там будешь делать зимой?

МАША. Мама, до зимы еще надо дожить.

Уходит.

ОС (вслед). Маша, Маша, а может, ты помиришься с Марком? Маша!

Раздается длинный звонок в дверь.

НАТАША. Опять он. Я сейчас сама.

Наташа выходит к Марку на лестничную площадку.

МАРК. Я совсем забыл, вот твой портрет. Я тебя все-таки нарисовал.

НАТАША. Нарисовал? (с издевкой) Я думала, художники пишут.

МАРК. Нет, именно нарисовал. Это графика. Вот дарю. Больше вы меня не увидите.

Марк передает Наташе упакованную картину в раме. И уходит. Наташа разворачивает картину, смотрит.

НАТАША. Сволочь (судорожно заворачивает картину и уносит ее в свою бывшую комнату, а теперь опять кладовку).

СЦЕНА 22

На приеме у гинеколога.

НАТАША. И что ничего нельзя сделать, даже ЭКО?

ГИНЕКОЛОГ. К сожалению, ЭКО вам не поможет. У вас редкая аномалия аутоиммунного характера.

НАТАША. Можете перевести на нормальный язык?

ГИНЕКОЛОГ. Ваш организм воспринимает мужское семя как вражеский агент и убивает сперматозоиды на входе. Они даже не успевают проникнуть в матку.

НАТАША. Такое бывает?

ГИНЕКОЛОГ. Ну, в природе еще и не такое бывает. Может, не нашелся еще ваш мужчина. Потому что в остальном вы абсолютно здоровы.

НАТАША. Нет, нет, нет, я не верю. Должен быть какой-то выход.

ГИНЕКОЛОГ. У вас есть сестра?

НАТАША. А что?

ГИНЕКОЛОГ. Если у вас есть сестра, то она наверняка фертильна.

НАТАША. Что?

ГИНЕКОЛОГ. Плодовита. Есть?

НАТАША. Ну есть у меня сестра. И да, нарожала от своего алкаша кучу детей. И мать моя столько абортгов сделала, мама не горюй.

ГИНЕКОЛОГ. Тогда вам не стоит переживать. С точки зрения биологии ваш род продолжается, вы в какой-то степени мать своим племянникам.

НАТАША. Чушь какая-то. Мне, *мне* надо родить ребенка. Понятно? Я бы ему дала все. Почему такая несправедливость. Почему именно я не могу, а она может? Это неправильно.

ГИНЕКОЛОГ. Этот вопрос не ко мне. Да вы так не расстраивайтесь. Возьмите тогда ребенка из детдома.

Наташа молчит, она в прострации.

НАТАША. Что? Из детдома? Спасибо за предложение. Вы хоть знаете, что такое детдом? Я ненавижу детдом и близко к нему не подойду. Я сама и есть детдом.

СЦЕНА 23

Квартира Кирилловых. Андрей сидит у своего ноутбука, что-то пытается писать. Наташа убирает квартиру. Пылесосит, протирает полы шваброй, ее явно раздражает бездействие Андрея.

НАТАША. У нас холодильничек сам себя морозит.

Андрей молчит.

НАТАША. Я к тебе обращаюсь, нет?

АНДРЕЙ. Не видишь, я работаю? Если нужно что-то купить, так и скажи.

НАТАША. Вот я и говорю. Твоя мать забывает, что она поела, и опустошила холодильник. Ты мог бы сам за ней следить, когда я на работе.

АНДРЕЙ. Ты можешь дать мне поработать?

НАТАША. Поработать? Ты эту страницу мусолишь уже две недели. Чушь какая-то.

АНДРЕЙ. Чушь говоришь? А рассказ «Звездное небо» тоже чушь? Его в «Октябре» напечатали.

НАТАША. Десять лет назад. Съезди в Ашан, писатель.

АНДРЕЙ. Если так, то вот, удаляю всю папку (удаляет), радуйся.

НАТАША. Да зачем удалять-то. Я иногда для смеха почитываю.

АНДРЕЙ. Я запаролю свой ноут.

НАТАША. Только пароль не забудь. А то придется опять Костю просить хакнуть.

Выходит ОС.

ОС. А обедать мы сегодня будем?

НАТАША. Ольга Сергеевна, уже обедали, забыли? Полчаса как. Неужто проголодались?

АНДРЕЙ. Не разговаривай так с моей матерью, пожалуйста.

НАТАША (вполголоса). Твоей матери нужна психиатрическая помощь. Это деменция.

АНДРЕЙ. Сама ты деменция.

ОС. Андрюша, а Марк когда придет?

НАТАША. Только Марка здесь не хватает.

АНДРЕЙ. А Марка, действительно, не хватает. (берет свой телефон) А не позвонить ли ему?

НАТАША. Опять хочешь отвечать за его долги или головой ступеньки считать? Забыл, какие у тебя приступы были?

ОС. Мы же с Марком в преферанс не доиграли. Он когда придет?

АНДРЕЙ. Мама. (звонит Марку) Странно, его телефон сбрасывается. Может, симку сменил? А может, правда, уехал? Так я с ним и не простился по-человечески.

Раздается звонок в дверь. Никто не идет открывать. Раздается еще звонок в дверь.

АНДРЕЙ. Почему не в домофон?

НАТАША. Он и в тот раз прорвался. Хитрый, гад. Не подходи, я сама.

Выходит. Мы не видим, но понимаем, что сначала она смотрит в глазок и тут же открывает. В комнату, где сидит Андрей входит сотрудник полиции в штатском и Костя.

ОС. Ой, Костя, а сегодня что же, 9 мая? Я и забыла совсем! Ты знаешь, у меня иногда вот стали случаться такие провалы. Но ничего, мои дети обо мне заботятся со страшной силой. В больнице лежала, целebroлизинчику прокапала, теперь пьем таблетки и никаких стрессов. Костя, а чего вас так мало? В прошлый раз, я это помню, вас целый взвод приходил.

Полицейский немного растерян, он не понимает, о чем идет речь, вопросительно смотрит на Костю.

КОСТЯ. Ольга Сергеевна, хорошая моя, да вы знаете, оптимизация везде, сокращают, сливают, поглощают, он тут посмотрит, а мы с вами туда пойдем, ага? Чайком не угостите? Как говорится, одна нога здесь, другая тоже здесь...

Так, беседуя, они выходят.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (доставая удостоверение из кармана). Старший оперуполномоченный Кравцов Владимир Николаевич. Кириллов Андрей Алексеевич вы будете?

АНДРЕЙ (пораженный). Да, это я.

НАТАША (одновременно с ним). А что случилось-то?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы знакомы с Марком Борисовичем Аваевым?

АНДРЕЙ. Да, знаком.

Костя возвращается.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. У вас близкие отношения?

НАТАША. Ну так, заходил.

АНДРЕЙ. Да подожди ты. А что случилось-то?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы не волнуйтесь. Дело в том, что Марк Борисович скончался.

Пауза.

АНДРЕЙ. Что?? О, Господи! Нет, нет, нет! Этого не может быть!

НАТАША. А что случилось-то?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Идет следствие. Главная версия пока самоубийство, но мы должны отработать все версии.

НАТАША. А какие еще версии?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Убийство мы пока тоже не исключаем.

НАТАША. А как он умер?

АНДРЕЙ. Ты можешь помолчать?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (смотрит на Костю, Костя кивает). Его нашли повешенным. А вы жена Андрея Алексеевича?

НАТАША. Да.

Андрей очень эмоционально реагирует на новое сообщение полицейского, его начинает мутить.

АНДРЕЙ. Можно... мне выйти? А то меня...

КОСТЯ (бережно приобнимает Андрея). Конечно, братан, пойдем, проблюемся.

Выходят.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы жена?

НАТАША (иронично-мрачно). Нет, домработница.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (смотрит в бумаги). Что-то не похожа?

НАТАША. Шучу, я шучу. У тебя же там все данные есть, верно?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это для протокола. Ваше имя-отчество?

НАТАША. Наталья Ивановна Кириллова.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Когда вы в последний раз видели Марка Борисовича?

НАТАША. Последний раз? Я точно не помню, это был август, по-моему, он приезжал на дачу, а нет, потом он бросил Машу, и она уже жила у нас. А он пришел, в сентябре заходил, числа не помню, это можно по камерам отследить.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну хотя бы первая половина сентября или вторая. Может, вспомните, какой праздник?

НАТАША. Ну какой в сентябре может быть праздник? Только 1 сентября. Даже вспоминать тошно. Точно это было не 1 сентября. И уже далеко от него. Шел дождь, да.

Только Ольге Сергеевне не говорите ничего. У нее и так с головой проблемы.

Пока Андрея нет, я вам скажу кое-что. А то для него это очень травматично.

Полицейский с готовностью кивает.

НАТАША. Они дружили со школы. Он тут пасся постоянно. То есть... ну видите, элитный дом, весь в табличках: известный артист, генерал, там, авиаконструктор и так далее. И Марик тоже из такого же дома. И он приходил постоянно, в основном бухать с Андреем. Даже без Маши. То есть когда у него там какой-нибудь кризис творческий или не знаю, долги. Вот он приходит, то есть приходил.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Без Маши. Маша это кто?

НАТАША. Это золовка моя, сестра Андрея.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Какие у них были отношения.

НАТАША. Да разве это отношения? Девка хотела наконец ребеночка родить, часики-то тикают, а он ей устроил: ребенок будет нежеланный, то сё, ну и она аборт сделала. И у него всё после этого.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Мария Алексеевна Кириллова здесь проживает (смотрит в бумаги) или по месту прописки?

НАТАША. А какая у нее прописка?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Кутузовский проспект, 23.

НАТАША. Это же квартира Андрея, мы ее сдаем. Так что живет она пока на даче, в Жаворонках.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наталья Ивановна, может, вы кого-нибудь подозреваете? У Марка были враги?

Пауза.

НАТАША. У него долги были. Он, по-моему, употреблял, ну понимаете...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наркотики?

НАТАША. Я сама не видела, у нас это табу. Я даже курить здесь особо не поощряю, а уж это сразу бы заметила. Просто наркота дело дорогое, ну и у него долги были. Вот куда надо рыть, я считаю.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А не могли они поссориться из-за Марии Алексеевны, брат и ее... бойфренд типа?

Заходит Костя.

КОСТЯ. Наташ, можно в порядке исключения, я покурю? Тоже в шоке, если честно.

НАТАША. Да кури, конечно, Кость. Только окурки вон в ту баночку потом убери.

КОСТЯ (закуривает). Уберу, уберу. Я сам терпеть не могу, когда в доме окурки. Анька курила много, придешь домой, окурков гора. А я бросить тогда пытался. Как будто пепельницу целуешь, сколько говорил ей. Ладно, извини.

НАТАША. Ничего, ничего, конечно. Ты кури, кури.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так вы про долги начали. Что у Марка Борисовича были долги.

КОСТЯ. Да, Володь, я подтверждаю, он был шептунной.

НАТАША. Вот! (что-то ищет в телефоне Андрея) Вы даже можете пробить этот номер у него в телефоне, если, конечно, я не удалила. (ищет) А, я ему его заблокировала.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наверняка симка левая.

НАТАША. Андрею звонили коллекторы, потому что этот придурок, ой, извиняюсь, Марк то есть, его в поручители записал, втемную, понимаешь?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Коллекторы? А сумма долга какая?

НАТАША. Погодите, погодите, а это законно вообще всё, Кость, а? Вы как-то так зашли, расспрашиваете, знаете, нам проблем этих не надо. Андрей человек больной. У него запросто может сейчас приступ начаться.

КОСТЯ. Да, Володь, давай уже закругляться. Первый срез сделал и хорошо. Ясно же, они ни при чем.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что ж, спасибо вам за информацию, Наталья Ивановна. Вот мой телефончик. Настоятельно рекомендую ничего пока не стирать из телефонной книги, мы все равно это узнаем через оператора.

НАТАША. Конечно, мы же понимаем. Я вообще люблю сериалы про ментов, то есть полицейских.

Провожает его в прихожую. Костя пока остается в комнате. Садится рядом, берет из горки бокал, наливает себе коньяку, выпивает, закуривает. Входит Андрей.

АНДРЕЙ. Ушел наконец-то. Как так можно, никакого сочувствия.

КОСТЯ. Да, вот удар-то. Сочувствую тебе, братан.

Пауза.

АНДРЕЙ. Ты по Ане скучаешь?

Пауза.

КОСТЯ. По Ане? Думаешь, я бесчувственный. Ты, кстати, мне даже соболезнования не принес. Как будто так и надо.

АНДРЕЙ. Соблезную.

КОСТЯ. Спасибо. Но дорого яичко к Христову дню. (пауза) Такая полоса, видно. То Аня, теперь друг детства, да, Дрюнь? (берет его телефон) Вот как у нас все симметрично. У тебя тут от нее вызовов, эсэмэсок до фига, я смотрю. Хочешь, сотру, чтоб вопросов не было?

АНДРЕЙ. Так ведь он сказал, нельзя.

КОСТЯ. Мне можно. (стирает)

АНДРЕЙ. Ты прости. Я что-то правда, тоже в шоке был, если честно, не подумал. Что-то ты не заходил к нам.

КОСТЯ. Ничего, проехали. Но видишь, тебе бог послал сразу прекрасную жену, я даже завидую. И друга пошлет, настоящего, поверь, который будет помогать. Для этого дружья и нужны, а остальные все это не дружья, а шелупонь.

Наташа возвращается.

НАТАША. Костя, Андрей, только прошу вас, окурки вот в эту банку скидавайте и закрывайте. Лучше, конечно, на балконе курить, но сейчас особый случай, ладно уж. Дайте-ка и я уж за помин души. (Берет рюмку, Костя наливает Наташе, себе и Андрею).

КОСТЯ. Ну, чтоб земля пухом (выпивает).

АНДРЕЙ. Что это за пожелание совковое. За упокой души надо говорить (выпивает).

НАТАША. Нормальное человеческое пожелание! То же мне, верующий какой. Извини моего мужа, Костя.

КОСТЯ. Да я понимаю, он в стрессе.

НАТАША. Здесь все в стрессе. Извинился бы хоть.

АНДРЕЙ. За что?

НАТАША. Есть за что. Костя, муж и жена одна сатана, и я как вторая половинка приношу тебе извинения. Прости его.

КОСТЯ. Да ладно, Наташ. Ну чего ты так? Я уже всё всем простил.

Входит Ольга Сергеевна.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*обращаясь к Наташе*). Клава, в кабинете Алексея Владимировича надо пропылесосить книги. Там такая пыль! Андрюша, а что вы тут отмечаете? Я бы тоже от коньячку не отказалась. А вы (*всматривается в Костю*) вы новый водитель папы? Николай, кажется, да? Пора на дачу. Пойду соберу чемодан. Клава, поможешь мне?

(Уходит. Все молча переглядываются.)

НАТАША (*звонит по сотовому, долго слушает, говорит автоответчику*). Маша, ответь ради Бога. Ты, наверно, про Марка знаешь уже? Андрей в напряге, к нам мент приходил. Ольга Сергеевна совсем кукухой поехала, заговаривается. Мне на работу надо. Приезжай, а? (*ждет какое-то время, нажимает отбой*) Не отвечает.

КОСТЯ. Наташ, иди к своим спиногрызам, я с ним посижу и Ольгу Сергеевну покараулю. У меня таблетки есть, от которых она спать будет как убитая.

НАТАША. Спасибо, Кость. Ты настоящий друг.

КОСТЯ. Да ничего, Наташ, все устаканится.

НАТАША (*уходя*). Только пить много ему не давай. А то с ним может приступ случится.

КОСТЯ. Я рядом.

СЦЕНА 24

Квартира Кирилловых. Костя и Андрей.

АНДРЕЙ (*уже очень пьяный*). Понимаешь, он был мой единственный друг (*опрокидывает стопку, бьет себя в грудь*). Он был... Мы с ним в один детский сад ходили, понимаешь? Он вот жил в соседнем доме. (*пьет*) Он был такой выдумщик, фантазер. У него ключ был от чердака, и это было наше секретное место, только вдвоем, я притащил отцовский полевой бинокль, и мы там в шпионов играли, в окна подглядывали, а ночью луну рассматривали,

я даже астрономом хотел стать. А еще он как-то привел туда Ленку Манькову и мы рассматривали письки. (пьет)

КОСТЯ. Это сколько вам было?

АНДРЕЙ. Да лет 7-8.

КОСТЯ. Че, драчили уже?

АНДРЕЙ. Не, ты что! Мы ж маленькие еще были.

КОСТЯ (усмехается). Маленькие. А мы с пацанами уже в 8 лет траву курили и у малышни мелочь забирали.

АНДРЕЙ. Ты гопник.

КОСТЯ. Не было у нас такого слова. Мы просто были пацанами из Люберец. И все.

АНДРЕЙ. Любера! Вы были люберами, ходили в клетчатых штанах и били неформалов.

КОСТЯ. Было дело. Хиппарей волосатых, панков, извращенцев всяких метелили.

Андрей молчит.

АНДРЕЙ. Так, на чем я остановился.

КОСТЯ. Что вы там на чердаке драчили и в бинокль в окна зырили.

АНДРЕЙ. Да, а потом дворник замок сменил и скоммуниздил мой бинокль. Меня потом отец допрашивал, как в НКВД. Но я Марика не сдал, вообще про штаб ничего не сказал.

КОСТЯ. Молодец.

АНДРЕЙ. Он меня неделю из комнаты не выпускал. Жесть. А мама выпускала, без него.

Костя молчит. Подносит рюмку ко рту, пригубляет. Видно, что он тоже изрядно выпил и пить больше не может.

Андрей спит за столом. Звонит сотовый Кости.

КОСТЯ (тихо в трубку). Да, Наташ, угу, я с ним, да. Много. Ну что тут сделаешь. Я понимаю, что нельзя. Угу, угу. Ольга Сергеевна спит. Это от стресса все. Конечно, я тебя дождусь.

Андрей просыпается.

АНДРЕЙ. Ты с кем там?

КОСТЯ. Жена твоя звонила.

АНДРЕЙ. Жена моя. Да, это моя жена так называемая. Это он из-за нее. Понимаешь, он из-за нее. Она его выгнала, она обрубилa нашу дружбу. (пока Андрей говорит эту длинную реплику, Костя его успокаивает, похлопывает по плечу, приговаривает что-то вроде

«Ладно, старик», «успокойся», «не горячись», «она хотела как лучше...») Он приходил, твой поделник в погонах, интересовался, когда в последний раз. Вот в последний раз он приходил, а она его на порог не пустила. Эта сука не пустила моего друга, ты понимаешь?

КОСТЯ. Это ты зря так про Наташу. Она о тебе заботится, о матери твоей. Зачем так-то?

АНДРЕЙ. Что?! Заботится? В гробу я видал ее заботу! Пусть уматывает отсюда в свою Пермь или откуда там она.

КОСТЯ. Тааак, тебе, наверно, хватит уже старик, ты дошел до кондиции.

АНДРЕЙ. А это не тебе решать. Решало. Ты что тут делаешь? А? Что ты тут расселся? Вертухай! Вся страна вертухаев.

Костя каменеет.

КОСТЯ. Что ты сказал?

Андрей бормочет что-то невнятно.

КОСТЯ. Ты как меня сейчас назвал? (хватает его за футболку) Вертухай, значит? (Нагибает Андрея к столу лицом, так что все что на столе разматается лицом Андрея.) Только из-за Наташки ты еще жив, гаденыш.

Костя отпускает Андрея, отходит, закуривает.

Входит Маша. Видит разгром.

МАША. Костя? Что здесь происходит?

КОСТЯ. Да вот, буйнит твой братан. От горя. Меня Наташа попросила посидеть. И у Ольги Сергевны закос мощный.

МАША. Я знаю. Слышала сообщение. Спасибо, Костя, тебе за помощь, ты можешь идти.

КОСТЯ. А ты одна справишься? Может, нарколога позвать? У меня есть знакомый.

МАША. Спасибо, Костя. У меня тоже есть. Я его на дачу отвезу.

КОСТЯ. Хочешь, я помогу погрузить тело?

МАША. Это не тело, Костя, это мой брат.

КОСТЯ. Ну это я так, юморю. (пауза) Ну ты это, если что надо там помочь, звони в дверь.

МАША. Хорошо. Спасибо.

КОСТЯ. Ну лады, я пошел тогда. Просто его же одного нельзя было... А ты не отвечала.

АНДРЕЙ. Больше чтобы его здесь не было. Пусть катится.

МАША. Андрей, он уходит.

КОСТЯ. Ухожу, ухожу, соседи.

Уходит.

АНДРЕЙ. Чего? Чего они все от нас хотят?

МАША. Тебе надо лечь, Андрей.

АНДРЕЙ. Не хочу я ложиться.

МАША. Я тогда тебя на дачу отвезу. Тебе нельзя здесь.

АНДРЕЙ. На дачу. А Наташа туда поедет? Я не хочу с ней, я ее убью, тварь.

МАША. Замолчи! Дурак!

ОЛЕГ. А ты знаешь, ты знаешь, что эта твоя Наташа, что эта Наташа его выгнала отсюда. Когда он ей сказал, а ты кто такая? И она взяла его сумку и за дверь выставила. А потом, потом, он звонил снизу. И мы его не пустили. А потом... потом он мне звонил всегда пьяный, всегда. И он говорил: Юрдэн, Юрдэн, меня хотят убить. Он! Мне! Говорил! Понимаешь? А я, а я... а я думал, это пьяный бред и говорил ему: да иди ты проспись, Мар. Вот так. А теперь мне приходит домой мент с этим вертухаем и говорит, что его нашли в квартире. Понимаешь? Нашли в квартире повешенным. Он там пролежал неделю, соседи вызвали. А он мне звонил как раз вот как раз тогда.

(выпивает еще стопку).

МАША. Андрей, я даже не знаю, что сказать (плачет). Он мне тоже звонил и писал.

АНДРЕЙ (тянется к Маше). А знаешь, знаешь, ты знаешь, что... (пытается поцеловать), а давай ляжем вместе.

МАША. Андрей, ну не надо, Андрей.

АНДРЕЙ. А помнишь, а помнишь, как мы пискки смотрели? Нет, это мы у Маньковой смотрели. Наташ, Наташ.

МАША. Меня зовут Маша.

АНДРЕЙ. Ууууу. Прости, прости. Маш, Маш, я лягу, если ты со мной полежишь. Наташ, Маш, обними меня.

МАША (пытается уложить его на диван). Вооот так. Наташа скоро придет.

АНДРЕЙ. А пошла бы она.

МАША. Андрей, Андрюша (он ложится, все еще обнимая ее, на диван, бормочет)...

АНДРЕЙ (лежа на диване). Я... я... ты знаешь, мы... почему мы раньше не... почему... Ты... вот я не понимаю... ты... я ... тебя... очень люблю. (закрывает глаза) Давай обнимемся. Я только тебя люблю.

МАША (садится рядом, гладит его по голове). Андрей, тебе надо поспать...

АНДРЕЙ. Как приятно. Какая у тебя легкая рука. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

МАША. И я тебя люблю. Как брата. Андрей. Как брата...

АНДРЕЙ. Сестра... Ну, ну... вооот... что... что это что это... ты не понимаешь, ты понимаешь, что ты не понимаешь, как я его любил, он был мне как... брат. Как брат и он звонил, он... (Андрей засыпает, раздается храп).

Слышен звук открываемой двери. Входит Наташа.

НАТАША (заглядывая в комнату). Ой, Маша, ты тут? Ну как тут? (оглядывает комнату)
Ой, что тут драка, что ль, была?

МАША. Заснул. Мне надо с тобой поговорить. Пошли на кухню.

Уходят на кухню. Андрей спит.

СЦЕНА 25

Ночь. Дача Кирилловых. На широкой кровати Андрей сидит верхом на Наташе и лупит ее по лицу. Она молчит, стиснув зубы.

АНДРЕЙ (ударяя). Сука, сука! Гадина! Тварь! Ты что сказала? Гадина! Ты щас что сказала?!

Наташа вся красная уворачивается, волосы у нее растрепаны, красивое платье порвалось.

Вбегает Маша, оттаскивает Андрея.

МАША. Идиот, пьяный идиот, прекрати, кому сказала, прекрати.

Андрей перестает бить Наташу, слезает с нее.

АНДРЕЙ. Это знаешь кто? Знаешь кто она?

МАША. Это твоя жена, Андрей.

АНДРЕЙ (пьяно мотает головой). Не, не, не... Это паучиха. Она, это она его, понимаешь, сожрала?

Наташа тем временем приводит себя в порядок, поправляет платье, прическу, разглядывает свое лицо в зеркало.

МАША. Два часа ночи, заснешь ты, наконец?

НАТАША. Какой там спать. Ему не хватило, вот и бесится. И на кой хрен мы его на дачу потащили?

МАША (Андрею). Ну, пойдём, пойдём в беседку проветримся.

АНДРЕЙ (*вдруг сразу осел, обрюзг, превратился в мальчика, чуть не плача*). Она, она не дает мне даже выпить, Маша, я уже ничего тут не решаю.

МАША. У меня есть с собой бутылка рома.

НАТАША (*услышав про коньяк*). Он уже в невменозе. Какой ром?

АНДРЕЙ. Пошла ты! Я с сестрой хочу друга помянуть. Пошли, Марушь.

Уходят. Наташа звонит.

НАТАША. Привет. (пауза) Да, все в норме. (пауза) Спасибо, Кость. (пауза) Да, видела. И правильно сделал. Он совсем слетел с катушек. На меня кИдается. (пауза) Да ладно, побузит, потом прощение будет просить, куда он денется. (пауза) Да справлюсь я. Тут Машка с ним. (пауза) Ольга Сергевна с нами. Куда ж ее. (пауза) Спасибо. У нас щас денег нет на пансион. (пауза) Пансион для ветеранов ФСО? А можно? (пауза) Ну, я даже не знаю, Кость. Спасибо. Когда он придет в себя, я передам.

СЦЕНА 26

9 мая. Дача Кирилловых. В беседке Наташа, Костя и Андрей играют в три листика. Заметно, что Наташа беременна. На стене висит картина Марка. Это огромная самка паука, пожирающая паука самца.

НАТАША. Дрюнь, ну чего ты тупишь.

АНДРЕЙ (*думает*). Ну я пас, наверное.

НАТАША. Да чего ты все ссышь-то. В тот раз ты мог бы взять банк. Если у тебя 19 очей, то надо делать ставку, а не сидеть.

АНДРЕЙ. Не понимаю я эти ваши три листика. Банк, ставки эти, торговля. Бессмысленная какая-то игра.

НАТАША. Нормальная игра, не хуже вашего преференса.

АНДРЕЙ. Пре-фе-ран-са!

НАТАША. Преференса! Преференса!

КОСТЯ. Натах, харе давить, ты не в детсаде. Через ошибки научится. Да, Дрю? Пока не поймешь, к столу не пойдешь. (пауза) А я... я, пожалуй, проставлюсь (кладет 100 рублей).

НАТАША. Так-так-так. Ну а я тоже повышаю (кладет 150 рублей).

КОСТЯ. Хо! (докладывает 50) Вскрываемся?

Все трое показывают свои карты.

Наташа смотрит на карты Андрея.

НАТАША. Дрюнь, ну ты даешь, у тебя ж джокер, ты чего сидел-то?

АНДРЕЙ. Где джокер?

НАТАША. Ну шестерка пиковая!

АНДРЕЙ. А... я думал трефовая.

НАТАША. Крестовая! Ты нарочно издеваешься (бьет его картами по голове)? Блин, ну почему мне джокер никогда не приходит, а дуракам везет (пауза). Ты дурак, Андрей. Ладно. Так, считаем, сколько у нас с Костяном.

АНДРЕЙ (про себя). Да, я дурак.

КОСТЯ. Хо! У нас с тобой по двадцать одно. Ну что, варим?

НАТАША. А то! Варим! Дрюнь, ты будешь с нами варить?

АНДРЕЙ. Не, я устал что-то, солнышко. Пойду полежу.

НАТАША. Иди, иди, мой сладкий. Только текилку не трожь. Мы ее на вечер припасли. И, знаешь, принеси-ка нам хересу, ну там, в баре еще остался бутылёк. (Андрей уходит, Костя сдает).

КОСТЯ. Подними. (Наташа снимает, он раздает) Как Ольга Сергеевна?

НАТАША. Ой, Костя, не знаем, как тебя благодарить.

КОСТЯ. У меня просто льгота неиспользованная.

Возвращается Андрей с бутылкой и бокалами.

НАТАША. Че это за бокалы для вискаря. Неси те, на ножках, матовые, которые мы из Черногории привезли. Там, в коробочке. (Андрей уходит.) Сколько можно объяснять. А почему пахнет окурками? Откуда этот запах. (кричит) Андрей! Где ты оставил полную пепельницу. Блин. Сколько можно объяснять. Ищи давай, а то ноут отберу. (смеется) Когда я про ноут, он боится. Ну что там у нас (смотрит карты). Я первая говорю?

КОСТЯ. Ага.

НАТАША. Ну блин.

Слышен грохот.

КОСТЯ. Это че?

НАТАША. Да, опять бьется.

КОСТЯ. Может, там помочь надо?

НАТАША. Надо бы. Пошли вместе. Знаешь, как трудно его держать одной.

КОСТЯ. Так а я на что?

НАТАША. Слышь? Кто-то идет. Машка приехала, надо идти, иди встретить ее. Быстрей.

Уходят. Затемнение.

ФЛЭШБЕК. СЦЕНА ИЗ ПРОШЛОГО

1998 год. Боулинг. Андрей на 20 лет моложе, работает крупье. К нему подходят люди в малиновых пиджаках. Он тасует карты. Они играют. Или он раскручивает рулетку. Они проигрывают.

Олег идет в подвальное помещение, в туалет. К нему подходят два парня в кожаных куртках.

Начинают его бить, он падает, ударяется головой о писсуар, течет кровь. Парни смотрят на него с презрением, сплевывают, бросают карту на его грудь. Один мочится на него. Они уходят.

КОНЕЦ

Август-октябрь 2020